

На правах рукописи

Мухаметзянова Лилия Хатиповна

ТАТАРСКИЕ КНИЖНЫЕ ДАСТАНЫ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ЖАНРА И ПОЭТИКА

**10.01.02 – литература народов Российской Федерации (татарская
литература)**

10.01.09 – фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

КАЗАНЬ – 2015

Работа выполнена в отделе народного творчества
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан

Научный консультант:	Ахметзянов Марсел Ибрагимович, доктор филологических наук, профессор
Официальные оппоненты:	Сулейманов Ахмет Мухаметвалеевич, доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа). Имаева Гульнара Зайнетдиновна, доктор филологических наук, профессор Евразийского открытого института (г. Москва). Шарипов Анвар Магданурович, доктор филологических наук, профессор Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов (г. Набережные Челны).
Ведущая организация	Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа).

Защита диссертации состоится «17» сентября 2015 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета (<http://www.kpfu.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

 А. Ф. Юсупов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Эпическая традиция каждого народа имеет свою историю существования, которая обладает национальными чертами, но в то же время взаимосвязана и с мировым художественным процессом. Эта традиция выступает основой как для эволюции различных жанров устного народного творчества, так и формирования письменной литературы вообще. Поэтому изучение “общего” и “особенного” в словесном искусстве татарского народа, равно как и других народов, начиная с истоков и во взаимосвязи фольклора и художественной литературы является одним из действенных способов познания национальной культуры, особенностей национального мировоззрения и мировосприятия.

Народный эпос, выразитель и транслятор мудрости и духовного опыта этноса, имеет акциональные, вербальные и текстуальные свойства. В зависимости от хронологии и географической среды у различных народов эти свойства проявляются по-разному, придавая национальному эпосу индивидуальный характер.

В традиционном “живом”¹ эпосе, как правило, относительно в равном объеме участвуют и акциональность, и вербальность, и эпический текст – как важные составляющие самого вида. В то же время имеет место и преобладание или отсутствие у того или иного народа одной из этих свойств. Так, например, даже общий для некоторых народов эпический сюжет не всегда выступает только в рамках устного народного творчества: под воздействием различных факторов формируется книжная разновидность эпоса, которая свидетельствует, в свою очередь, об особенностях эволюции творческого сознания этноса.

Письменные эпические памятники, являющиеся значимой составляющей эпического наследия, – это творчество, находящееся на стыке литературы и фольклора. Указывая на их непростые взаимоотношения, В.Базанов писал: “История знает и разлады, и столкновения, и противоборство двух художественных и идейных систем”². Вместе с тем, общеизвестна роль фольклора в формировании художественной литературы, а также все чаще рассматриваются механизмы возникновения под влиянием литературы новых “вторичных” явлений в устном народном творчестве. Данная работа направлена на исследование одного из подобных категорий, которая в силу историко-культурных особенностей возникновения и функционирования, эволюции и трансформации выступает связующим звеном между двумя системами словесного искусства. Это татарские

¹ Термин “живой” эпос в трудах В. В. Жирмунского (1974), С. Ю. Неклюдова (1984), Е. Н. Кузьминой (2006) и др. употребляется в отношении произведений, непосредственно записанных из уст импровизатора и отражающих подлинно творческое исполнение текста сказителем. Придерживаясь такого же мнения, в данном исследовании этот термин использован в значении эпоса, обладающего яркими стилистическими особенностями, характерными для изустного исполнения эпического текста импровизатором.

²Базанов В. От фольклора к народной книге. Л.: Худож. лит – ра, 1977. С. 5.

книжные дастаны, говоря о которых мы имеем в виду распространенные в нескольких вариантах эпические памятники, соизмеримые с моделью живого эпоса, выдержанные в духе традиционных тюркских дастанов, но тесно связанные с письменной культурой, испытавшие авторское влияние.

Книжные дастаны – это эпос, продолжавший функционировать в репертуаре письменной культуры народа, одновременно поддерживающий тесную обратную связь с фольклором. Определение новых подходов к феномену книжного дастана и исследование его как самостоятельной разновидности жанра является актуальной задачей современного литературоведения и фольклористики, связанной в том числе и с конкретизацией типологической общности устного и письменного разновидностей словесного искусства. Снятие идеологических табу и запретов в филологической науке открывает возможности для изучения данной категории в аспекте этнической картины мира.

Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, неисследованностью татарских книжных дастанов как оригинальной жанровой разновидности, способной хранить поэтические особенности и традиции творческого сознания этноса, и с другой стороны, отсутствием комплексного аналитического исследования генезиса и поэтики татарских книжных дастанов. Оно важно в плане определения особенностей функционирования и эволюции художественных образов, мотивов и стиля, которые составляют историческую память жанра и восходят к ранним контактно-родственным взаимосвязям, вместе с тем, находят отражение и в современных тенденциях развития национальной литературы. Изучение эволюции и трансформации жанра книжных дастанов с учетом историко-культурного опыта этноса, в свою очередь, позволяет приблизиться к постижению своеобразия его мышления.

Степень изученности темы и проблемы. Начиная с 60-х гг. XX в. в татарской фольклористике и литературоведении возросло внимание к жанру дастанного эпоса, были опубликованы работы Х.Ярми¹, Ф.Урманчеева², Н.Хисамова³, Ф.Ахметовой⁴, Р.Ганиевой⁵, М.Усманова¹, М.Ахметзянова²,

¹ Ярми Х. Татар халкының поэтик ижаты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. Б. 82.

² Урманчеев Ф. И. Эпические сказания татарского народа. Сравнительно-исторические очерки. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1980. 120 с.; Урманчеев Ф. Героический эпос татарского народа. Казань: Тат. книж. изд – во, 1984. 312 с.

³ Хисамов Н. Ш. Поэма “Кысса-и Йусуф” Кул Али. Анализ источников сюжета и авторского творчества. М.: Наука, 1979. 256 с.; Хисамов Н. Бөек язмышлы әсәр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 336 б.; Хисамов Н. Ш. Сюжет Йусуфа и Зулейхи в средневековой тюрко-татарской поэзии XIII – XV вв.: дисс. в форме научного доклада... д-ра филол. наук. М., 1996; Хисамов Н. Ш. Кол Гали һәм төрки “Йосыфнамә”. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 208 б.

⁴ Татар халык ижаты. Дастаннар / Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы Әхмәтова Ф. В. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 384 б.; Татар эпосы. Дастаннар / Төзүче, кереш сүз һәм искәртмәләргә язучы, сүзлеккә әзерләүче Ф. В. Әхмәтова-Урманче. Казан: Раннур, 2004. 640 б.

⁵ Ганиева Р. К. Восточный ренессанс и поэт Кул Гали. Казань: Изд – во КГУ, 1988. 173 с.

Ф.Яхина³, М.Бакирова⁴, посвященные анализу эпических произведений. Вслед за ними появились монографии⁵, посвященные специальному изучению отдельных дастанов. В рамках подобных исследований регулярно поднимался вопрос о необходимости изучения книжной разновидности татарских дастанов.

Начиная с XIX в. на существование некоторых эпических жанров народного творчества среди казанских татар в письменной форме обращали внимание С.Рыбаков⁶, Г.Рахим и Г.Газиз⁷, далее Н.Исанбет⁸, Т.Галиуллин⁹, Ф.Ахметова¹⁰, Ф.Урманчеев¹¹, Н.Хисамов¹², Ш.Абилов¹³, М.Усманов¹⁴, М.Ахметзянов¹⁵, Х.Миннегулов¹⁶, Ф.Яхин¹⁷, М.Бакиров¹⁸, К.Миннуллин¹⁹,

¹ Госманов М. Каурый каләм эзеннән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. Б. 223.

² Әхмәтжанов М. Татар кулъязма китабы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. 270 б.

³ Яхин Ф.З. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. Казан: Татар дәүләт гуманитар институты нәшрияты, 2000. 286 б.

⁴ Бакиров М. Шигърият бишеге. Гомумтөрки поэзиянең яралуы һәм иң борынгы формалары. Казан: Мәгариф, 2001. 343 б.; Бакиров М. Х. Татар фольклоры: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2008. 360 б.; Бакиров М. Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012. 400 с.

⁵ Ибраһимова Л. Х. Төрки халыклар ижатында “Чура батыр” дастаны. Казан: Фикер, 2002. 192 б.; Закирова И. Г. Болгар чоры халык ижаты. Казан: Фикер, 2003. 144б.; Вәлиуллина Ф. “Идегэй” дастанында милли-мифологик һәм дини мотивлар. Казан: Дом печати, 2007. 178 б.; Фахрутдинова А. Р. Дастан “Туляк и Сусылу”: тюрко-татарские варианты. Казань: б. и., 2011. 124 с.; Закирова И. Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимов, 2011. 268 с.

⁶ Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки Имп. АН по историческому и филологическому отделению. Т. 2. СПб., 1897. С. 45.

⁷ Рәхим Г., Газиз Г. Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере. Икенче басма. Казан: Татиздат, 1925. Б. 3 – 6.

⁸ Татар халык мәкальләре. Жыючысы һәм төзүчесе Н. Исәнбәт. 3 томда. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. Б. 69.

⁹ Галиуллин Т. Н. Современная татарская поэзия и народное творчество: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. Казань, 1968. 30 с.

¹⁰ Татар халык ижаты. Дастаннар. Казан: Татар кит. нәшр., 1984. Б. 21.

¹¹ Урманчеев Ф. Героический эпос татарского народа. Казань: Тат. книж. изд.- во. 1984. С. 187 – 195.; Урманчеев Ф. Народный эпос “Идегей”. Казань: Фэн. 1999. С. 4 – 7; Урманчеев Ф. Лиро-эпос татар Среднего Поволжья. Казань: Татар. кн. изд – во, 2002. 256 с.

¹² Хисамов Н. Бөек язмышлы әсәр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 336 б.

¹³ Абилов Ш. Дастаннар // Татар әдәбияты тарихы. 6 томда, 1 том. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 344 – 356; Абилов Ш. Книга дастанов // Средневековая татарская литература VIII – XVIII вв. Казань: Фэн, 1999. С. 168 – 181.

¹⁴ Госманов М. Каурый каләм эзеннән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. Б. 223.

¹⁵ Әхмәтжанов М. Татар кулъязма китабы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. Б. 213.

¹⁶ Миңнегулов Х. Й. Гасырлар өнен тыңлап... Казан: Мәгариф, 2003. 335 б.

¹⁷ Яхин Ф. Татар шигъриятендә дини мистика һәм мифология. Казан: Татар дәүләт гуманитар институты, 2000. 286 б.

¹⁸ Бакиров М. Татарский фольклор. Казань: Ихлас, 2012. С. 169.

¹⁹ Миннуллин К.М. Песня как искусства слова: автореф. дисс. ... д – ра. филол. наук. Казань, 2001. С. 14 – 15.

М.Гайнетдин¹, А.Шарипов², Д.Загидуллина³ и др.

Несмотря на это, и в настоящее время не существует специальных монографических исследований по истории становления и функционирования татарских книжных дастанов.

Целью настоящей диссертации является системно-комплексное изучение генезиса и поэтики татарских книжных дастанов.

Поставленная цель обуславливает следующие **задачи**:

- выявить взаимосвязь между национальным историко-культурным процессом и жанровыми особенностями словесного творчества;
- реконструировать границы эпоса и его книжной разновидности;
- охарактеризовать и классифицировать татарские книжные дастаны, выявить их исторически сформированные типы, генетические и контактные связи;
- проанализировать процессы жанровой инерции и трансформации на материале татарских книжных дастанов, описать общие структурно-содержательные особенности текстов;
- исследовать различные варианты конкретных дастанных сюжетов, которые до сегодняшнего времени оставались вне должного научного внимания;
- рассмотреть влияние тюркского эпоса и письменной культуры Древнего Востока на формирование и развитие татарских книжных дастанов;
- определить соотношение авторских и фольклорных начал в книжной разновидности жанра;
- выявить место и роль татарских книжных дастанов в системе фольклорных и литературных жанров;
- раскрыть глубину и оригинальность поэтики и изобразительно-выразительных средств книжных дастанов.

Объектом исследования выступают книжные дастаны казанских татар XIII-XIX вв., имеющие непосредственное отношение к поволжскому региону. Как фоновые для исследования татарских книжных дастанов явления к анализу привлекались образцы народного эпоса других тюркских народов.

Предмет исследования – тенденции формирования, функционирования и трансформации татарских книжных дастанов в тематическом, жанрово-поэтическом, стилистическом проявлениях.

Материал исследования. В диссертации рассматриваются татароязычные варианты дастанов на сюжет «Кахарман Катил» (в шести вариантах), «Чура-батыр» (в пяти вариантах), «Кур углы» (в трех вариантах), «Лейля и Маджнун» (в восьми вариантах), «Тахир и Зухра» (в десяти

¹ Гайнетдин М. Хакыйкатъ юлыннан. Әдәби тәнкыйть. Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. Б. 60 – 76.

² Шарипов А. Зарождение системы стихотворных жанров. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. С. 123 – 140.

³ Загидуллина Д.Ф. Модернизм в татарской литературе 1920 - х гг. // Филология и культура. 2013. № 1 (31). С. 146 – 150.

вариантах) – итого более тридцати дастанных текстов в сравнении с другими иноязычными версиями.

Процесс составления корпусов текстов осложнялся тем фактом, что источники малодоступны, не систематизированы. Отбор текстов осуществлен с целью обращения внимания на произведения, до сих пор не подвергшихся специальному научному исследованию. В ходе исследования выявилась его сверхзадача – определение особенностей функционирования дастанной литературы татарского народа и приближение к постижению этнических устремлений творческого сознания. Сверхзадача обусловила исследовательский интерес не только к неизученным ранее текстам, но и к условиям возникновения и поэтическим особенностям дастанной литературы вообще. Поэтому памятники, до сих считавшиеся основательно изученными, например, такие, как варианты дастанов «Йосыф китабы» («Книга о Юсуфе»), «Идегей» (рассматриваются два варианта), «Алпамыш» (три варианта), «Кыйссаи Сэкам» (Кысса о Сякаме), «Түләк китабы» (Книга о Туляке), а также литературные варианты дастанов – «Кыссаи Юсуф» Кул Гали, «Мухаббатнамэ» Хорезми, «Джумджума султан» Хисама Кятиба, «Сухеиль и Гульдурсун» Сайфа Сарай, «Бабахан дастаны» («Дастан о Бабахане») Саяди и др. описывались в общем плане, с точки зрения функционирования в национальном историко-литературном процессе.

Научная новизна. Разработана новая концепция по отношению к жанру эпоса и его доминирующей разновидности в татарском фольклоре, отличающая книжную разновидность дастанов от традиционного эпоса, а также от древнетатарских литературных дастанов. Употребление термина «книжный дастан» по отношению к подавляющей части дастанного наследия татар, системное изучение дастанного эпоса как книжного в татарском литературоведении и фольклористике предпринимается впервые. В исследовании системно доказано, что жанр дастана у татар – это полуписьменное, полуфольклорное, полуиндивидуальное, полутрадиционное эпическое единство; книжные дастаны татарского народа рассмотрены как важная часть эпоса в фольклоре, литературе и культуре тюркского и иноязычного мира; дана комплексная оценка татарским книжным дастанам в истории литературы и фольклора; установлены связи татарского эпоса с литературой.

Опираясь, в первую очередь, на народную этническую традицию, сформировано комплексное представление о татарских книжных дастанах, выделены героические и романические тематические группы, выявлены типы и определена общая эволюция в возникновении и развитии татарских книжных дастанов. Рассмотрены вопросы, связанные с участием традиционно-вербальных фольклорных и литературно-письменных начал в книжном виде жанра дастан, в свете современных представлений о книжном эпосе сделаны некоторые теоретические обобщения относительно характера татарского книжного дастана. Термин «книжный» в исследовании употребляется не только в значении эпических памятников, относящихся к периоду книгопечатания у татар, он употребляется в более широком смысле

слова и вбирает в себя варьирующиеся татароязычные древние письменные эпические памятники, относящиеся к жанру дастана. При анализе все примеры приведены из татароязычных текстов на русском языке в переводе автора.

Методологической основой диссертации являются концепции жанра как «отвердевшего содержания» (Г.Д.Гачев, В.В.Кожин), взаимосвязи тем, мотивов и общей структуры в процессе образования и эволюции жанра (А.Н.Веселовский, В.М.Жирмунский, Е.М.Мелетинский, М.Л.Гаспаров, Ю.Н.Тынянов), «памяти жанра» (М.М.Бахтин); литературно-фольклорного сближения в различных парадигмах: 1) эстетико-философской и литературоведческой (Б.Н.Путилов, П.А.Гринцер, А.Б.Куделин, И.В.Стеблева, С.Д.Серебряный, Ю.К.Щеглов, Б.Л.Рифтин, Г.З.Имаева); 2) культурологической (К.-Г.Юнг, Л.Леви-Брюль, В.М.Гацак, В.П.Пропп, С.Ю.Неклюдов, Т.Г.Владыкина); 3) психолого-лингвистической (Н.Ярхо, Н.Р.Ойноткинова, Ф.А.Надршина); рассмотрения национального фольклора как части мировой художественной культуры (Х.Г.Короглы, А.М.Сулейманов, В.Л.Кляус, В.И.Рогачев, Г.Р.Хусаинова).

При написании диссертации также опирались на труды таких исследователей истории и поэтики татарской литературы и фольклора, как Х.Х.Ярмухаметов, Т.Н.Галиуллин, М.И.Ахметзянов, Ф.И.Урманчеев, Х.Ю.Миннегулов, Н.Ш.Хисамов, Ф. В.Ахметова, М.Х.Бакиров, А.М.Шарипов, Ф.З.Яхин, Р.К.Ганиева, Д.Ф.Загидуллина, Ш.Ш.Абилов, М.В.Гайнетдинов, К.М.Миннуллин, А.Х.Садекова, Х.Ш.Махмутов, А.М.Ахунов, Р.Ф.Исламов, исследователей в области истории татарского народа, как М. А. Усманов, С.Х.Алишев, Д. М. Исхаков, Г. М. Давлетшин и др.

В диссертации использованы сравнительно-исторический, историко-типологический, структурно-описательный, структурно-типологический, текстологический, генетический, герменевтический и статистический методы исследования.

Теоретическая значимость работы. Выдвинутые идеи, аргументы и доказательства данного исследования являются своеобразным вкладом в татарское литературоведение и фольклористику, в частности, в теоретическую трактовку жанровой природы татарского дастана, вносят определенную лепту в изучение тюркских дастанов и эпоса в целом. Полученные выводы представляются значимыми с точки зрения современных теорий в науке. Новая концепция по отношению к татарскому эпосу имеет методологическое значение, так как подобное исследование доминирующей разновидности в словесном искусстве татар эпического наследия является совершенно новой ступенью в изучении и классификации национального эпического фонда в сопоставлении с традиционным эпосом и древними литературными дастанами. Проблема выходит в научную область, которую можно назвать этнолитературоведением.

Практическая значимость диссертации. Показывается механизм и предлагается методика изучения взаимодействия жанровых и этнических

процессов и элементов. Содержание и выводы диссертации могут быть использованы для сопоставления при аналогичных исследованиях сопряжения фольклорных или литературных жанров и этнического мировоззрения.

Основные результаты работы могут быть использованы при написании учебников по истории татарской литературы и фольклору, подготовке учебно-методических пособий, на спецкурсах по татарской литературе и тюркскому устному народному творчеству, истории, культуре татарского народа, связям поволжско-приуральских татар с другими народами. Предложенная в исследовании методика анализа дастанных текстов может быть использована в высших учебных заведениях на теоретических и практических занятиях по татарской литературе и фольклору, а также в полевой фольклористике. Использование полученных в исследовании научных результатов обеспечит повышение популяризации татарского эпического наследия, расширяя при этом сферу применения теории литературы и фольклора на практике.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Татарские книжные дастаны являются своеобразным сплавом письменно-литературного и фольклорного начал: в системе устного народного творчества считаются эпическими текстами, усвоившими литературно-эстетические достижения, и выступают как оригинальные авторские произведения, созданные в соответствии с эпическими канонами фольклора, уходящего в глубину веков. Как своеобразная литературизованная форма народного эпоса, они свидетельствуют о тесном творческом контакте средневековой татарской литературы и эпического фольклора.

2. В отличие от “живого” исполнения эпоса перед народной аудиторией, катализатором формирования татарских книжных дастанов выступает письменная культура. У татар главную роль в этом вопросе играли стремление к образованию, к книге, уважение к печатному слову. Условия оседлой жизни обеспечили возможность развития письменного творчества, переписывания и распространения объемных текстов. Поощряющий, пропагандирующий и последовательно внедряющий грамотность и книжную традицию ислам также оказал решающее влияние, способствуя распространению в сфере духовной культуры и быта народа книжной разновидности жанра.

3. Книжный эпос – это эпический текст в индивидуально-литературной обработке и систематизации с учетом фольклорной эпической традиции, специфики его содержания, формы, сюжета, стиля, поэтики, а также закономерностей возникновения, становления и развития эпического фольклора вообще, созданный в условиях письменной культуры просвещенными людьми, умеющими искусно совмещать каноны народного эпоса с письменными стилевыми и поэтическими особенностями или же по-своему перерабатывать некоторые известные сюжеты.

4. Систематизация тенденций развития татарских книжных дастанов дает основание для представления их как части мирового словесного искусства, письменной литературы в целом, и как своеобразное национальное явление, испытывающее безусловное влияние этнических устремлений татарского народа.

5. Большинство татарских дастанов исторически зафиксировано в рукописях и печатных изданиях, и это является самым характерным способом существования и эволюции жанра в этническом социокультурном пространстве. Участие индивидуально-авторского начала усиливает те или иные жанровые компоненты, либо активизирует не свойственные данному жанру или свойственные ему в малой степени элементы.

6. Художественно-эстетическая особенность каждого отдельно взятого текста книжного дастана зависит от уровня присутствия литературно-письменных начал. Если в одних дастанах доминирует фольклорный пласт, то в других рельефно выделяется литературная основа, если одни сохранились лишь в рукописях, большинство же функционировали в форме напевного книжного чтения, переписчик стал входить в роль автора или же выступал как соавтор. У дастана «Тахир и Зухра», например, множество вариантов как «авторских», так и «неавторских». Но многовариантность сюжета, а также различия, проявляющиеся в языке, стиле, мотивах, многочисленные устно функционирующие фрагменты из того или иного варианта дастана – все это накладывает свой отпечаток на поэтику книжного дастана.

7. Поэтическая система татарских книжных дастанов вырастает на путях перекодировки широко разработанных предшествующей традицией сюжетов и мотивов, системы образов, механизмов стихосложения и т.д. в свете актуальных для этнического сообщества в определенном историческом периоде идей и эстетических концепций.

Апробация и реализация результатов исследования. Основные положения диссертации изложены в монографиях «Төрки халыклар ижатында “Чура батыр” дастаны» (Дастан “Чура-батыр в творчестве тюркских народов”) (Казань: Фикер, 2002. 192 с.), «Татарский эпос: книжные дастаны» (Казань: ИЯЛИ, 2014. 380 с., получивших положительные отзывы, и более чем в 70 статьях, 16 из которых изданы в научно рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК. Общий объем публикаций – более 60 п. л. Основные научные результаты диссертации были изложены и обсуждены на международных (г. Москва, Алматы (Казахстан), Актау (Казахстан), Казань, Уфа, Сибай, Якутск, Горно-Алтайск, Елабуга, Саранск), всероссийских (г. Москва, Уфа, Казань, Стерлитамак, Чебоксары) и др. научно-практических конференциях и опубликованы в сборниках материалов указанных конференций. Материалы диссертации были апробированы при чтении курса «Татарское устное народное творчество» на факультете татарской филологии Татарского государственного педагогического университета (2003 – 2004).

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и задачами, обосновывает логику научного изложения и развития исследования.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность рассматриваемой проблемы, дано представление об объекте и предмете исследования, определены новизна, цель и задачи, характеризуется методология, рассмотрена степень изученности темы и проблемы, изложены основные положения, выносимые на защиту, постулированы теоретическая и практическая значимость исследования, обозначена структура диссертации.

Первая глава «Татарский эпос в системе общетюркского и мирового эпоса: книжные дастаны» посвящена теоретическим вопросам эпоса и его книжной разновидности. Акцентируется внимание на роли эпического фольклора в специфическом развитии татарских дастанов, книжные дастаны рассматриваются как разновидность эпоса. Автор выдвигает гипотезу о том, что татарские книжные дастаны, будучи полуфольклорными, полулитературными произведениями, содержат в себе единство традиционно-типичного и индивидуального творческих, предлагает свою версию решения проблем, обозначенных в шести разделах главы.

В первом разделе первой главы **«Понятие «книжный эпос» в мировой фольклористике. Сочетание литературного и фольклорного компонентов в жанре»** проводится проблемно-мировоззренческий анализ работ ученых по отношению к термину «книжный эпос», исследуется соотношение в жанре литературы и фольклора. В мировой фольклористике и истории литературы выделяются письменные эпические памятники, порой в различных вариантах, сохранившие в стиле, семантике, особенностях бытования и распространения в той или иной степени традиции народного творчества и основные признаки эпоса, дошедшие до наших дней благодаря автору рукописного текста, переписчика или другим путем в письменно-книжной форме. Есть также памятники, изначально не имевшие устную форму, но не совсем утратившие связь с фольклором. П.А. Гринцер, В.М. Жирмунский, С.Ю. Неклюдов, Е.М. Мелетинский, А.Б. Куделин, С.Д. Серебряный, Б.Н. Путилов, Ю.К. Щеглов, Б.Л. Рифтин и др. ученые называют их термином «книжный эпос» и исследуют эту разновидность жанра как промежуточный эпос, появившийся на стыке фольклора и письменной культуры.

Во втором разделе первой главы **«Живой» эпический текст в параллели с книжными дастанами»** проведены параллели между традиционными и книжными дастанами, отслежен процесс становления книжной разновидности жанра. В фольклоре ряда восточных и тюркоязычных народов эпос или дастан издавна играл роль катализатора и кода-определителя, отражающего уровень развития самого крупного жанра. Традиционный народный дастан – это синкретический жанр, который у многих народов совместно с импровизатором-сказителем представляет собой

вербальное творчество, для которого характерно единство эпического текста и декламационно-напевное исполнение. Подобные вербальные тексты носят стихотворный, прозаический или смешанный характер. В поэтическом отношении в них доминирует народный стих, основанный на силлабике и прозе. В творчестве чичана-импровизатора в зависимости от звучания звуков принято строить текст при помощи специального подбора слов. Взяв в основу сходство звуков, он исполняет объемный текст и таким образом добивается благозвучия и фонетической гармоничности своего выступления. Сказитель, опираясь на удобство произношения и добиваясь благозвучия, запоминания, выстраивает строки, начинающиеся на один и тот же звук, затем переходит к другому звуку. Пример такого аллитерационного стиха, начинающегося на определенный звук, мы находим в киргизском “Манасе”:

Баздышам тентушка соога ыргыткан,
 Беежинге барса жол салган,
 Баздышам беш жуз киши косшу алган.
 Байбише калды сарайда,
 Балдарын асар далайда.
 Жоомокто сиздей кимде бар.
 Саната Манас болбосо,
 Сайганы сиздей кимде бар.
 /Повелитель мой близким добычу дарил,
 В Беджин путь проложил.
 Повелитель мой пятьсот человек свиты имел.
 Жена осталось вдовой в тереме,
 Дети твои вырастут с трудом.
 Казна твоя полна золота.
 Кто, кроме Манаса в былине
 Еще, как вы, отвагу явил,
 Кто, кроме легендарного Манаса,
 Так пикой разил врага./¹

Известно, что народный стих аллитерационного типа с древнейших времен широко распространен в фольклоре. В дастанах подобная фонетическая организация стиха использовалась для построения эпического текста с целью достижения отточенности смысла, придания тексту особой звуковой выразительности и была очень популярной формой передачи эпоса дописьменного периода. Условия реализации эпоса требовали быстрого сосредоточения и импровизированного использования рифмованных строк, что почти невозможно совершить сиюминутно. Именно поэтому в эпосе народные певцы прибегали к аллитерационному стиху, как к самой подходящей системе стиха, где вовсе необязательно соблюдение равенства стихотворных строк и существование рифмы, все решает аллитерация,

¹ Орывок по: Ауэзов М. Собрание сочинений. В пяти томах. Т. 5. Литературно-критические и публицистические статьи 1936 – 1961 гг. Перевод с казахского. М: Худ. литер., 1975. С. 393 – 394.

которая основана на созвучности звуков. Традиционными методами в народном дастане выражалась народная идеология, доносилась мысль сказителя. В своем содержании “живой” эпос неплохо сохранил и ритуально-мифологическую функцию.

Классические образцы архаического “живого” эпоса, идущие из глубины веков, сохранились у ряда тюркских народов. Киргизы, например, сегодня вправе гордиться своим “Манасом”, казахи – версиями “Шорабатыра”, они же и узбеки – “Алпамышем”, казахи, нугайцы – “Кузы-Курпячем” и др., саха-якуты – своими многочисленными олонхо, башкиры – “Туляком” др., а также сказителями – народными представителями, доносившими до народа “живой” эпос в различных вариантах. В фольклористике у этих народов еще в 30-х гг. XX в. была поставлена проблема эпического исполнителя, роль сказителя в эпосе исследовалась наравне с текстом жанра как его неотъемлемый атрибут¹.

Надо подчеркнуть, что у тех народов, которые сравнительно дольше вели кочевой уклад жизни, а также к мусульманской культуре приобщились довольно поздно или не испытали влияния ислама вообще, стабильнее сохранилась устно-исполнительская форма эпоса. Иногда сохранение эпоса в устной форме у того или иного народа – результат соседства с народами, для эпического творчества которых характерна традиционная форма эпоса, где акциональность, вербальность и текст присутствуют в более полном объеме.

Богатой на первичные вербальные тексты территорией, где живут татары, можно назвать Сибирь. Эпос сибирских татар в общем плане, бесспорно, – достаточно богатое, в полном смысле слова синкретическое устное творчество. Татарский народ гордится устно бытовавшим и зафиксированным из уст сибирско-татарских сказителей «Алпамышем», «Кузы-Курпячем и Баянсылу», «Йиртюшлек», отдельными устными вариантами «Идегея» и др. дастанами. Территориальная, географическая разобщенность татар способствовала историческому формированию и развитию у разных этнических групп, компактно проживающих на разных территориях, тех или иных культурных традиций. Этот многовековой процесс хорошо прослеживается и на примере развития эпоса. В то время, когда татары Поволжья отдали предпочтение книжной разновидности, сибирские татары сказывали устные дастаны. Это неопровержимый факт, представляющий эпос в различных его разновидностях у одного и того же народа.

Итак, полнокровное дастанное творчество устного вида характеризуется синтезом музыкального исполнения, выступления сказителя и воспринимающей эпос аудитории. Текст, являющийся результатом именно такого творчества, в фольклористике оценивается как первичный “живой” вербальный текст, основанный на сугубо традиционных методах народных эпос-дастанов.

¹ Гацак В. М. Эпический певец и его текст // Текстологическое изучение эпоса. М: Наука, 1971. С. 7 – 46.

У народов, имеющих эпос-дастаны, имена тех, кто доносит эпический текст до народа, составляют целый ряд синонимичных названий. Талантливых людей, занимающихся сказительством, каждый народ называет по-своему: аэды, суы и кушилавы, гриоты, сказители, кобзари, улигершин, гэсэршин, хайджи и др. У тюркоязычных народов также существуют названия, применяемые для обозначения непосредственного «зачинщика» эпоса-дастана. Самыми распространенными именами носителей эпического искусства у тюркоязычных народов являются «жырау», «олонхосут», «шаир», «жомакши», «ашуг», «бахши», «сэсэн» или «кобаирсы», «акын», «манасчи», «кыссахан», «кайчи» и др.

Что касается поволжских татар, нельзя не заметить то, что с давних времен наблюдается отделенность эпоса от его ритуально-обрядовой функции. Напевное исполнение большого произведения перед народом в связи с каким-либо обрядом или крупным событием, как у киргизов и казахов, у казанских татар не было. В исторических источниках, касающихся обороны Казани, например, нигде документально не зафиксировано напевное исполнение эпос-дастанов чичанами-сказителями. В связи с такими событиями было принято играть музыку без словесного сопровождения¹. Этот факт напоминает о том, что уже в начале XVI в. у казанских татар не пользовалась популярностью устная разновидность эпоса.

Отличающиеся импровизаторским талантом люди, конечно же, были и среди поволжских татар, следовательно, существовало и определяемое для этой категории слово – «чичан» («чичэн»). Из известных в последнюю эпоху имен сказителей можем назвать Сабирджан-акына из деревни Менгер, Байчигави из Лаишевского района, Кашшафетдин Шагимардан Минзаливи из деревни Солек Минзелинского уезда, Хусаина Нугай и еще несколько личностей². Их репертуар был насыщен народными песнями, афоризмами, сказками, но дастаны в их творчестве не прижились. У татарского народа сохранились также образы общетюркских чичанов, например, Жирен-чичан, Сыпра (Субра)-джырау, Жамукай-чичан и др. Но известные в тюркском и нетюркском мире эпические сюжеты, приобретая книжную форму, переживали еще одну жизнь, распространившись у поволжских татар в форме книжных дастанов. В них чичан не выделяется ни как автор-импровизатор, ни как исполнитель своего произведения перед аудиторией. Зачастую в книжных дастанах автор вовсе не указывается и в его роли практически выступает переписчик, переработчик дастана, он же является и создателем того или иного варианта дастана на известный сюжет. В книжных дастанах роль носителя эпической традиции народа, слегка перешагнув устно-исполнительскую функцию, приобрела иную форму.

В третьем разделе первой главы **«Татарские книжные дастаны как разновидность тюркского эпоса»** выявляются историко-культурные

¹ Опыт Казанской истории с древнейших и средних времен, соч. Петром Рычковым. СПб., 1767. С. 125.

² Татар халык мәкальләре. Б.70; Бакиров М. Шигърият бишеге. Б. 141.

особенности и поэтическое своеобразие татарских книжных дастанов. Проводить четкую границу между фольклорным (народным или традиционным) и книжным дастанами весьма сложно, так как любой эпический текст, записанный из уст чичана-сказителя – это пассивная, вернее письменная, форма существования устного в своей основе эпоса-сказания. Для современного исследователя в большинстве случаев именно эти тексты и остаются единственным источником для изучения традиционно-устного эпического творчества. Но фиксирование на бумаге устного текста не в состоянии превратить это произведение в литературный памятник, соответствующий литературным канонам. Текст, записанный из уст сказителя, который способен при декламации передать содрогание от топота копыт земли, превратившись в письменный памятник, не может уложиться и соответствовать нормам литературного произведения. Поэтому, дополняя и развивая вышеуказанные специфические признаки устно-народного эпоса, остановимся на отдельных структурообразующих и идейно-содержательных параметрах, раскрывающих сущность книжной разновидности эпоса.

В книжном виде творчества доминирует книжная идеология, традиционно идущая из древней поэзии. Книжность отражается и на образах-персонажах, объеме тем и мотивов, поэтике, своеобразии стиля и т.д. Для книжного дастана характерен отход от звукового оформления текста, т. е. декламационного речетативно-напевного его сопровождения, от широкого использования тирадной формы эпического стиха и аллитерационных фонетических средств, характерных для традиционного народного дастана, и, наоборот, тяготение к средствам письменной литературы.

В книжном виде дастанного жанра стиль, характерный для народного стиха, смешивается с литературным, ограниченность, свойственная народному дастану, дополняется книжными мотивами. Здесь аллитерационный стих, например, заменяет тюркский аруз – метрическая система, использованная в древней письменной поэзии в соответствии с канонами арабо-персидского квантативного стихосложения. Дастанов, состоящих сплошь из стихотворных текстов, являющихся первым признаком архаичности, у татар мало, если и есть, то в стилевом отношении они испытали индивидуальные изменения. В книжных дастанах часто находилось место и философскому обобщению, идейно-эстетическим тонкостям, характерным для классических произведений.

В дастанах поволжских татар большое значение придавалось не исполнению текста сказителем, а самому тексту, поэтическому слову, поскольку произведение фиксировалось письменно. А это означает, что в дастанном творчестве татар вторичный вербальный письменный текст, проходя сквозь века, обрел устойчивые позиции.

Тем не менее, есть случаи, когда характерный для эпоса кочевых тюрков речитатив в татарских книжных дастанах выполняет свои прежние функции: стихотворная часть дастана напевно декламируется на дутаре и домбре. В некоторых редких источниках можно встретить обычай устного

наговаривания кратких отрывков крупных произведений – сарына, тулгау, песни главного героя и др.¹ Подобные устные варианты составлены на сюжеты «Кысса о Юсуфе», «Тахир и Зухра», «Сайфульмулюк», «Буз егет», «Алпамыш», и сводятся либо к пересказу содержания известного письменного дастана, либо к напевному пересказу основных событий. Некоторые сюжеты, имеющие устно-исполнительскую версию у других тюркских народов, у татар сохранили такую же традицию, но, вербально обрабатываясь, сюжет перешагивал через жанровые границы и превращался в сказку, предание или письменный рассказ. Иные варианты претерпели сильные изменения в плане объема и дошли до нас лишь в форме отрывков, отдельных песен из большого произведения или рассказа фабульного характера.

Важно отметить и то, что каждый устный вариант свидетельствует о существовании обратной связи книжного вида с фольклором, т.е. тексты имеют схожий сюжет и одинаковые элементы с тем или иным письменным вариантом дастана. Напевное чтение вариантов дастана у татар в корне отличается от музыкального исполнения чичаном-импровизатором собственного произведения. У поволжских татар это скорее явление, пришедшее с исламом, нежели отражение дописьменной культуры. Традиция напевного чтения Корана и благоговейного отношения к книге стало причиной напевного чтения крупных эпических произведений.

Книжный характер эпоса – явление довольно древнее. Возникновение и развитие книжных дастанов тесно переплетено с историей татарского народа, начиная с древнейших времен и до нашей эпохи. Воплощение мифологических и сказочно-фантастических представлений народа в эпосе позволяет рассматривать эти произведения памятниками, уходящими в глубь истории.

Татарский книжный дастан по стилю, мотивам, типологии, духу и идее верен принципам фольклора, основан на этнических традициях, подчиняется эпическим канонам, но в то же время опирается и на древнюю и средневековую восточную литературу, переплетается с индивидуальным творчеством письменного склада, гармонично вбирает в себя элементы книжной культуры.

Влияние социокультурных процессов на формирование жанра татарского дастана споров не вызывает. В то же время следует признать, что в татарской литературе влияние дастана на развитие таких жанров, как повесть, роман также огромное. Но при этом книжный дастан не трансформировался в индивидуальное творчество, полностью отдалившись от фольклорного стиля, бытования и распространения. Известно, что на протяжении нескольких веков параллельно с литературными поэмами-дастанами, а также произведениями других жанров у татар продолжали оставаться актуальными и книжные дастаны, на определенном историческом этапе в народе жила особая потребность в этих произведениях. Это означает,

¹Татар халык мәкальләре. Б. 63 –71.

что на долю книжных дастанов выпала не только роль посредника переходного периода из эпического фольклора в литературу, они долгое время функционировали самостоятельно в качестве духовной пищи для народа. Книжные дастаны, для которых характерна сложная форма непрерывных взаимовлияний устных и письменных традиций, переходя из рук в руки, читались в народе, отрывки в форме эпической песни или краткого отдельного хикаята из дастана исполнялись и устно. Следовательно, популярность произведений этого жанра была высокой.

Таким образом, книжный вид эпос-дастана – своеобразная и важная категория в литературоведении и фольклористике в целом. Под словом “книжный” подразумевается не только книжная эпоха в истории татарского народа, понятие используется условно и указывает на влияние традиций, пришедших в Поволжье с письменной литературой и книжной культурой, сформировав письменный эпический фольклор. Термин “книжный дастан” означает разновидность эпоса, получивший у татар письменно-книжный характер. По сравнению с устно бытующими у татар вариантами дастанов отмечается более совершенное развитие письменно распространенных текстов на один и тот же сюжет. Несмотря на отдаленность от характерного для тюркского эпоса первичной вербальности и исполнения ритуально-мифологической функции, подобное творчество является одной из важных разновидностей многогранного эпоса. В нем прослеживается одна из главных особенностей фольклора – вариативность, и частично сохранены синкретический и коллективный характер творчества.

В четвертом разделе первой главы **«Изучение татарских книжных дастанов: проблемы классификации»** рассмотрены принципы классификации эпического наследия и предпринята попытка типологизации татарских книжных дастанов, выделив героические и романические тематические группы. К первой относятся героико-архаические (например, дастан о Туляке, который носил в народе название «Түләк китабы» («Книга о Туляке»), героико-исторические («Идегей», «Чура-батыр», «Кур углы Солтан» и др.) и героико-религиозные (дастан о Кахармане «Каһарман Катил», дастан, посвященный Сякаму «Кыйссаи Сәкам», дастан «Кисекбаш» и др.) произведения. Во второй группе – социально-бытовой эпос романического характера, посвященный любовно-романтическим событиям («Йосыф китабы» («Книга о Юсуфе»), «Лейля и Маджнун», «Тахир и Зухра», «Шахсанем и Гариб» и т.д.).

В центре героических книжных дастанов выступает образ героя или богатыря, обладающего героическими качествами, свойственными для героев тюркского фольклора. Для таких дастанов характерна близость к историческим реалиям и героизм. К ним относятся «Туляк», «Идегей», «Гыйсә улы Амәт» («Амат сын Гайсы»), «Чингизхан», «Аксак Тимер» («Тимур Хромой»), «Кыйссаи Сәкам» («Сказание о Сякаме»), «Кахарман Катил» или «Книга о Кахармане», «Жик Мерген», «Чура-батыр», «Кур углы Солтан» и др. Герой-богатырь чаще всего рождается таким, вырастает и сражается с врагами, защищая родину, свою землю и свое племя. В таких

дастанах много места уделяется описанию картин борьбы батыра с вражескими силами, ему на помощь неизменно приходят его конь и оружие. В состав героических книжных дастанов входит немало эпических произведений, в которых находят отражение и древняя мифология, историческое прошлое народа, религиозные представления, эстетические предпочтения и элементы народной культуры.

Романические книжные дастаны – варьирующиеся лиро-эпические, лиро-философские произведения, основанные на подробном описании внутренних переживаний и духовной жизни главных героев. В эту группу относятся «Тахир и Зухра», «Буз егет», «Лейля и Маджнун», «Йосыф китабы» («Книга о Юсуфе»), «Шахсенем и Гариб», «Хурлуга и Хемра», «Сайфульмулюк», «Мактым-сылу» и др. Применение к этой группе дастанов термина “романический”, разумеется, условное. По объему и содержанию художественный материал напоминает жанр романа, в то же время заметно выделяются некоторые черты, характерные для романтизма: богатство и разнообразие чувств, сила эмоционального воздействия, идеализация героя, доминирование духовного и эмоционального начал. Тяготение романических дастанов одновременно и к жанру романа, и к романтизму иногда делает возможным применение по отношению к таким произведениям термина “романтические дастаны”. В фольклористике и литературоведении у народов, богатых дастанным эпосом, в отношении подобного творчества термин “романический дастан” встречается чаще. Е.М. Мелетинский¹, П.А. Гринцер², В.М. Жирмунский³, С.Ю. Неклюдов⁴ и др. отдают предпочтение термину “романический дастан (эпос)”.

Пятый раздел первой главы – **«Общность татарских дастанов и нарративных источников»**. История собирания татарского эпоса в Поволжье в основном базируется на письменных источниках. О печатной книге татар, издавна считавшихся книжным народом, можно вести речь с начала XVIII в. (начало печатной книги на татарском языке приходится на 1722 г., вначале издавались в основном административные документы и Коран, а с начала XX в. стало уделяться внимание и различным произведениям по национальной тематике). Однако татарская рукописная книга имеет древнюю и богатую историю. По сей день археографы обнаруживают все новые и новые рукописи. Среди них немало тех, что входят в категорию дастана или представляют собой сохранившуюся часть-фрагмент крупных произведений⁵. Суть термина “книжный дастан”,

¹ Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М: Наука, 1986. С. 140 – 168.

² Гринцер П.А. Две эпохи романа (вводная статья) // Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра. Колл. труд. М: Наука, 1980. С. 3 – 44.

³ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л: Наука, 1974. С. 19, 643 и др.

⁴ Неклюдов С.Ю. От эпоса к роману // Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. М: Наука, 1984. С. 251 – 262.

⁵ Каримуллин А. Г. У истоков татарской книги. Казань: Тат. книж. изд – во, 1971. С. 32 – 33; Госманов М. Гасырдан – гасырга. Казань: Тат. книж. изд – во, 2004. С.76, 78 – 79.

используемый в фольклористике в отношении вышеупомянутой категории, определяется так же: это эпос-дастаны, распространенные в письменной форме. Следует помнить: тексты книжных дастанов сегодня в фольклоре “вторичны” лишь по отношению к “первичным” текстам, записанным как устное творчество.

В шестом разделе первой главы **«Проблема вариативности номинаций и типы татарских книжных дастанов»** рассмотрены функционирование и эволюция терминов, синонимичных понятию «эпос» у татар; выявлены исторически сформированные типы татарских книжных дастанов. Среди памятников дастанного эпоса татарского народа существует ряд синонимов к слову «дастан». Самим народом дастаны чаще всего назывались «кысса», «хикая», «хикаят», «китаб». В современном литературоведении и фольклористике эти термины относятся к архаической или даже исторической лексике, а если и встречаются, то в новом обличье и в другом значении. Можно с уверенностью констатировать, что татарский дастанный эпос, дошедший до наших дней под названиями дастан, кысса, хикаят, хикая, китап, соответствует понятию книжный дастан.

По особенностям возникновения эпического текста и способу распространения героические и романические татарские книжные дастаны можно подразделять на несколько типов. Дастаны, формирование которых в качестве эпического текста происходило через их записывание, мы относим к первому типу. Распространяясь в письменном виде, они дошли до наших дней, и на основе этих рукописей были опубликованы в эпоху книгоиздания. В ряду таких дастанов значатся: «Туляк», «Буз егет», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Амат сын Гайсы», «Шахсенем и Гариб», «Хурлуга и Хамра», «Кахарман Катил», «Кисекбаш кыссасы», «Чура батыр хикаяте», «Кур углы Солтан». В большинстве случаев сюжеты книжных дастанов такого типа проникали напрямую из письменных источников. Такой тип татарских книжных дастанов продолжает традиции, идущие от письменного памятника средневекового тюркского эпоса «Китабы дадам Коркыт», а может параллельно формирует схожие традиции.

Произведения, написанные на популярные сюжеты, переходящие из фольклора в литературу, затем из литературы вновь в народное творчество, относятся ко второму типу книжных дастанов. Это, как правило, романические произведения, посвященные истории любви двух влюбленных, такие, как «Тахир и Зухра», «Йосыф китабы», «Сайфульмулюк», «Лейля и Маджнун». Исторически так сложилось, что эпические произведения на общеизвестный сюжет среди татарского народа бытовали и в письменной, и в устной форме. Следует отметить, что самые совершенные варианты дастана на тот или иной сюжет этого типа среди татарского населения существуют как письменные тексты. В отношении полного изустного исполнения дастанов данного типа в Поволжье нет ни одного факта или источника. Сюжетами служили известные в мировой литературе произведения: Саяди, поэма Кул Гали, произведения Меджлиси, Низами. Возникшие из древних преданий, такие памятники трансформировались в крупные поэмы.

Знаменитые литературные дастаны-поэмы древнего Востока вдохновили талантливых авторов на новые произведения на тот же сюжет.

Среди книжных дастанов особое место занимают осознанно переведенные конкретным автором в книжную форму тексты, т.е. специально созданные эпические памятники (третий тип). Яркий пример – сборно-критический текст «Идегей». Составленный в 1919 году Н. Хакимом стихотворно-прозаический, в 1940 году Н. Исанбетом стихотворный сборно-критические тексты обогатили и дополнили группу книжных дастанов. Но книжный «Идегей» интересен тем, что основанный на устном исполнении, он был составлен из многочисленных вариантов дастана. Существование помимо сборных версий еще и многочисленных вариантов, записанных у сибирских татар, а также зафиксированных во время исполнения чичанами, доказывает, что этот дастан у татар изначально существовал в устной форме. Как было сказано выше, дастаны сибирских татар от книжных дастанов существенно отличаются. Эта разница выражается в характерной для этого этноса поэтике, языковых и стилевых особенностях, в близости их образа мысли к мифологическому сознанию, в том, что это синкретическое творчество, основанное на исполнительстве и др. Повторное воссоздание народного эпического творчества в новых исторических условиях – дело достаточно сложное и хлопотное. Результат такой работы может и не совпасть с истинно традиционным эпосом, возникшим по воле народа в определенный исторический период, отражающим народное сознание, мирозерцание и быт.

Во второй главе «Героические и книжные дастаны татарского народа» анализируются варианты татарской версии дастанов «Кахарман Катил», «Чура батыр», «Кур углы».

Героико-архаические дастаны по своему происхождению восходят к родовому периоду, и героика в них основана на противостоянии человека и природы, борьбе мифических образов и героя.

У татар немало героико-исторических книжных дастанов, возникших в средние века. По сравнению с архаическими книжными дастанами они составляют большинство. В дастане “Идегей”, всегда вызывающем повышенный научный интерес литературоведов и фольклористов, дастанах “Чингизхан”, “Аксак Тимер”, “Амат сын Гайсы”, также дополняющих череду наших героических книжных дастанов, описываются реальные исторические личности. В них наглядно демонстрируется отношение этнического сообщества на известные исторические события, а герой-богатырь выступает в амплуа сына своего народа. В плане описания войн, сражений, необходимости защиты отчизны от врагов заслуживают внимания дастаны “Жик Мерген”, “Кур углы”. В этих произведениях историзм в определенной мере утрачен, но в большинстве из них сохранены сюжетное единство, общая идея, композиционная целостность. Вызывает большой интерес и тот факт, что в исторических книжных дастанах встречаются общие мотивы, характерные для тюркских и мировых эпосов, или древнеиранских, древнегреческих, восточных письменных источников.

Новые социально-политические условия жизни татар в составе Российского государства способствовали стабильному развитию и распространению героических по форме, но пронизанных философией ислама героико-религиозных книжных дастанов («Кахарман Катил», «Кыссаи авык», «Кыссаи Сякам», «Кисекбаш», «Джумджума султан»). Переход героики в религиозную героику объясняется стремлением народа на инстинктивном и сознательном уровнях к сохранению своей веры, культуры, традиций, языка. В исламе, в вере в Аллаха народ обретал самодостаточность в национальных и религиозных взглядах и находил духовное успокоение. В героико-религиозных дастанах также присутствуют идеи суфизма, восходящие к древней и средневековой восточной литературе.

Первый раздел второй главы называется **«Кахарман Катил»: гармония исторических и культурных пластов»**. «Кахарман Катил» относится к специфическому типу татарских книжных дастанов, которые изначально существовали только в письменной форме и у которых по той или иной причине имя автора забыто или же дошло в полупоэтической форме. Он был распространен среди татар в рукописной форме¹, а с наступлением периода активного книгопечатания – в виде книг.

Дастан в народе был известен как «Кахарман хикайте», «Кыссаи Кахарман», «Кахарман Катил кыссасы», «Кахарман китабы», «Кахарман Катил» и «Кахарман дастаны», хотя во всех текстах речь идет об одном и том же Кахармане, совпадают и последовательность основных событий, незначительны также различия в системе образов и персонажей. Имеющиеся отличия относятся в основном к стилистическим и структурно-композиционным особенностям рукописей или же изданий.

В научном обороте имеются всего шесть рукописей дастана, созданные разными творческими личностями. Они отличаются между собой почерком, местом, временем письменного исполнения, некоторыми различиями в сюжетном плане и образной системе и прочими особенностями текстов. В некоторых рукописных списках упоминается имя переписчика, а в некоторых такие данные отсутствуют. Язык всех текстов приближен к говору поволжских татар и представляет собой старотатарский литературный язык своего времени, и это указывает на то, что все переписчики списков «Кахармана Катил» являлись исконно казанскими татарами. Кроме того, все изданные варианты дастанов напечатаны в Казани местными издателями.

Между изданными «Кахарман Катил» и его рукописными списками по большому счету нет принципиальных различий. Согласно специфике распространения народных произведений, ни один издатель не указывает источник текста, однако налицо издание их под влиянием ранее существовавших рукописей. Если не учесть некоторые лексико-

¹ Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНРТ, колл.39, ед. хр. 3497; 6121; 6026; ОРРК научной библиотеки им. Н.Лобачевского КФУ: Т 141, Т 518, Т 519, Т 646, Т 741, Т 762, Т 2262; Литер. фонд Нац. музея РТ: Л 3027; Архивный фонд Института Матенадаран. г. Ереван, док. под № 596.

грамматические изменения, все более приближающие старотатарский язык XVIII в. к современному, все издания повторяют особенности того или иного списка дастана. Вплоть до конца 20-х гг. XX столетия тексты «Кахармана Катил» издавались или в усеченной, или в более полной форме по несколько раз большими тиражами.

Рукописи и издания можно разделить на два вида по объему – в народе бытовали тексты «Кахармана Катил» с краткими и более развернутыми сюжетами. Такая традиция, т.е. обособление самостоятельного сюжета из большого произведения идет от фольклорного эпоса Средней Азии, Ирана и Азербайджана. Эпопеи, которые состоят из циклов, представляют собой несколько самостоятельных дастанов с одинаковыми событиями и общими героями. Например, цикл «Манас» у киргизов; циклы о Кур углы у азербайджанцев, турков, казахов, узбеков, туркмен, таджиков и др.; версии знаменитого «Идегея» состоят из множества самостоятельных частей. Разъединенные из обширного, многопланового сюжета некоторые главы очень часто превращались в самостоятельные сказания.

Параллельное существование в народе «Кахармана Катил» в форме краткого хикаята (всего 14 листов или 14-16 печатных страниц) и более объемного дастана (рукописные списки до 270 листов или издания от 78 до 116-страничные) свидетельствует о том, что такая же традиция была характерна и для книжных дастанов татар. В частности, из большого «Кахармана Катил» выделялся наиболее значительный отрывок или часть, описывающая страшный поединок Кахармана с Дивом Аквал (в некоторых списках – Иквал или Иквалзаррэ). Следует отметить, что «Кахарман Катил» и в рукописном, и в печатном текстах последовательно верен этой традиции.

«Кахарман Катил» создан путем переработки персоязычного средневекового эпоса. В нем нашли отражение древнетюркские и древнеиранские компоненты идейно-структурного характера, пронизанные мусульманской идеологией и более поздними инновациями. Иначе говоря, дастан представляет собой своеобразный сплав тюркских и иранских фольклорных традиций, а также традиций индивидуального письменного творчества. Под традиционным началом здесь подразумевается основание сюжета на фольклорные и мифологические мотивы героико-приключенческого характера, а индивидуальное начало проявляется в творческой обработке обширного материала и преподнесении его к вниманию читателя в виде письменной или народной книги. Его сюжет и ведущие образы, которые идут от персидских письменных памятников, несмотря на переплетение с мифологическими мотивами, чрезвычайно близки к жизни тюрков и тюркскому героическому эпосу. Кроме того, он остается неоценимым источником для выяснения древних тюрко-иранских межэтносных связей и взаимовлияний в фольклоре и литературе этих народов.

Начиная с рукописей XVIII в. и до 20-х гг. XX в. произведение занимает свое прочное место в наследии татарской художественной словесности. Велика вероятность того, что популярность у татар дастана

«Кахарман Катил», повествующего о героических приключениях исламских войск в исповедующей языческую религию стране, была непосредственно связана с идеей пропаганды и укрепления ислама.

Во втором разделе второй главы **«Эпическое творчество татарского народа, посвященное Чура-батыру»** анализируется идейно-художественное содержание эпических произведений татар о Чура-батыре. В творчестве некоторых тюркских народов, вошедших в свое время в состав Золотой Орды, чрезвычайно популярен образ Чуры. Помимо поволжских татар, существуют версии крымских татар, ногайцев, казахов, башкир, каракалпаков, киргизов. Все они описывают известное в истории событие – падение Казани. Поскольку завоевание Казани русским войском произошло в 1552 году, время появления текста – не ранее середины XVI в. Конечно, точно определить время возникновения эпических сюжетов невозможно, но в этом случае исторический факт приходит на помощь. Опираясь на мнение академика В.М. Жирмунского, который тюркский эпос, датированный XV-XVII вв., называет “историческим слоем” эпоса, где уже “определилась основная историко-политическая тема эпоса”¹, дастаны о Чура-батыре относятся к более позднему пласту тюркского эпоса.

В сравнении с другими тюркскими версиями, воссоздание этого образа в татарском народном творчестве отличается близостью к книжному творчеству. Версии дастана у других народов, посвященные Чуре, также нельзя назвать подлинными образцами устного творчества. Для тюркского эпоса более позднего периода в целом характерен переход с устной формы на письменную. Естественно, в этом процессе традиционный дастан несколько утратил признаки устного творчества. Тем не менее, у крымских татар и особенно в казахских степях техника устного исполнения хорошо сохранилась, в стиле текста доминирует основа народного эпического стиха импровизаторского типа. У башкир данный сюжет стихом-кубаиром в полупрозаической, полустихотворной форме повествовался как хикаят. В башкирском народном творчестве можно и сегодня встретить различные мелкие сюжеты о Чуре (Суре), исполняемые устно в жанре легенды и преданий².

В татарском фольклоре созвучный с эпосом других тюркских народов объемный дастан³ и его варианты⁴, исторический баит⁵ и предания⁶ – все характеризуют образ Чуры как народного героя.

¹Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. С 90 – 91.

²Хөсәенов Г., Сөләйманов Ә. Нугай сыгышлы эпостың башкортлашканы // Башкорт халык ижады. 7-се том. Язма кисса һәм дастандар. Өфө: Китап, 2004. Б. 508.

³Березин И. Турецкая хрестоматия. Казань, 1962. С. 41 – 56.

⁴Баязит Р. Яңа кала. Чура батыр // Ак юл. 1915. № 16. Б. 282 – 286; Юлдаш К. Чура батыр // Аң. 1916. 5 нче сан. Б. 85 – 86; Кыйссаи Чура батыр. Казан: Вечеслав тип., 1884. 16 б.

⁵Казан тарихы // Насыри К. Календарь 1881 елга. Казан, 1880; Казанская история / Катанов Ф. Исторические песни казанских татар. Казань, 1899. Б. 5 – 22.

⁶Караужа // Татар халык ижаты. Риваять һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы С. Гыйләжәтдинов. М. Казан: Татар. кит. нәшр., 1987. Б. 51 – 53.

На татарском языке текст дастана впервые был опубликован в 1862 году в «Турецкой хрестоматии» И. Н. Березина под названием «Хикаят о Наренг и Чура-батыре». Произведение отличается подробным описанием жизни и быта казанских татар второй половины XVI в. Особенности среднего диалекта татарского языка также дает возможность идентифицировать это произведение с историко-культурным наследием казанских татар. Кроме того, сохранившиеся в татарском народе баит и предания, по сравнению с другими тюркскими версиями, посвященными Чура-батыру, точно соответствуют духу именно этого дастана, описывают то же время и место. Велико влияние этой версии на другие – устно бытующие и «авторские» книжные (имеется в виду вариант, созданный К. Юлдашевым в стихотворной форме), а также не имеющие авторства письменные эпические произведения татар.

Среди героических книжных дастанов «Чура-батыр» отличается тем, что является своего рода реакцией на события, воспринятые народом как национальная трагедия. Этот созвучный с национально-освободительной борьбой татарского народа дастан и в историко-традиционном плане, и по литературной форме, по стилю и распространенности в народе представляет собой огромный интерес. В фольклоре не так часто в творчестве одного и того же народа один и тот же сюжет (тема и образы) встречается в различных по жанру и форме произведениях.

Исходя из эпических канонов, герой не может признать своего поражения и никогда ни перед кем не склоняет голову. Он даже умереть обязан с гордо поднятой головой. Эта закономерность, характерная для тюркского эпоса, наблюдается и в татарской версии «Чура-батыра». В этом большое сходство не только между тюркскими версиями, посвященными Чуре, но и общность сюжетов с другими эпосами.

Дастан «Чура-батыр» сам по себе составляет своеобразный генеалогический цикл тюркского героического эпоса. События можно разделить на четыре большие части: 1 – жизнь Наренг (Нарик)-батыра; 2 – рождение и детство Чуры; 3 – дела и помыслы Чуры, связывающие его с Казанью; 4 – в качестве заключения сообщение о том, что русскими завоеваны Казань и Хаджитархан. В сюжете дастана тесно переплелись судьбы героя и страны, а трагические события в жизни Чуры восходят к трагедии Казанского ханства.

Анализ текста Р. Баязита¹ позволяет сделать вывод о том, что он представляет собой книжный вариант, подкорректированный под вкусы татарского читателя начала XX в. Произведение в известной мере испытало определенные литературные правки Р. Баязита, в то же время оно полностью соответствует духу дастана «Чура-батыр». Довольно объемное произведение

¹Баязит. Яңа кала. Чура батыр // Ак юл. 1915. № 16. Б. 282 – 286.

по своему сюжету похоже на один из вариантов¹ казахской версии, но не подражание, и не перевод, а скорее самостоятельный дастан, характерный для татарского народного творчества. Созданные по такому образцу произведения конца XIX – начала XX вв. в целом характерны для письменного творчества казанских татар.

Текст байта “Казанская история” увидел свет в 1880 году в календаре² К. Насыри, а также в книге Н.Ф. Катанова³. Общее между дастаном и байтом заключается в центральной идее – народ всегда одобряет и поддерживает тех, кто встает против завоевателей; эта идея воплощена также в образе богатыря-защитника родины, в описании одних и тех же событий (взятие Казани), а также в стремлении популяризировать основы ислама.

Еще один текст под названием «Чура батыр» был опубликован в начале XX в. в журнале «Аң» («Анг»). Его автор – Киям Юлдашев (известно, что он был учителем, жил в 1890 – 1955 гг.)⁴. Это сильно олитературенный вариант, созданный на материале легенд и преданий о Казани и Чуре. Автор по большей части опирается на исторические предания, посвященные Казанскому ханству. Здесь они объединены в одно целое, даны в стихотворной форме.

В результате влияния книжного “Чура-батыра” этот образ сохранился у татар и в устных жанрах. Например, в предании, названном “Караужа”, также описываются события, связанные с трагедией падения Казанского ханства, в качестве народного героя идеализируется образ Чура-батыра.

В 1975 году Ф. Ахметова в Казани от информанта Каюма Ибрагимова (1903 г.р.) записала устный вариант хикаята “Чура батыр”, и, назвав его “превратившим в предание вариантом дастана”, опубликовала в сборнике “Татар эпосы. Дастаннар”⁵. Сюжет почти совпадает с вариантом, включенным в сборник И. Березина. Текст полностью в прозе, объем сравнительно небольшой, основан на коротком пересказе основных событий дастана. В нем присутствует встречающийся почти в каждой национальной версии хикаят, в котором Минсылу рассказывает о том, что “лев никогда не ест объедков волка”, о предвидении смерти Чуры “либо от сына, либо от коня”, сведения о том, что женитьба Чуры на дочери врага была кем-то специально подстроена, эпизод о том, как после смерти Чуры его мать Минсылу приезжает в Казань в поисках сына и др. В конце повествования информант говорит: “Все это было в действительности, я об этом прочитал в одной книге”. Основным источник устного варианта – письменные сведения, следовательно, информант опирался на ранний и полный книжный вариант.

¹Этнографические материалы, собранные и переведенные А. А. Диваевым. Шура батыр: киргизская былина // Сборник материалов Сыр-Дарьинской области. Т.IV. Ташкент: Тип. Бр. Каменские, 1895. С. 1 – 88.

² Насыри К. Календарь 1881 елга. Казан, 1880.

³ Катанов Ф. Исторические песни казанских татар. Казань, 1899. Б. 5 – 22.

⁴Юлдаш К. Чура батыр // Аң. 1916. 5 сан. Б. 85 – 86.

⁵ Татар эпосы. Дастаннар. Казан: Раннур, 2004. Б. 397 – 398.

В 1991 году писатель Ф. Латыфи опубликовал произведение “Чура-батыр. Татарский народный дастан”, состоящий, в основном, из поэтического текста¹. Писатель упомянул, что этот дастан взял из книги добруджских татар, живущих в Румынии. Дастан довольно схож с одним из объемных вариантов ногайской версии. Ф. Латыфи использованы версии и варианты дастана нескольких народов, и в итоге составлен новый вариант. Подобное творчество имеет сходство в какой-то степени с дастанным творчеством писателей конца XIX – начала XX вв. А. Курмаши, М. Юмачикова, Р. Баязита, К. Юлдаша и др., а сам текст вправе оцениваться как самый новый образец книжного дастана, имевшего продолжение еще и в конце XX в.

Резюмируя, можно сказать, что образ популярного в татарском народе Чура-батыра через дастаны, байты, предания восходит на высоту эпической биографии. Как и в героическом эпосе тюркских народов, произведения фольклора превращают его в истинного героя.

Третий раздел второй главы «Дастан “Кур углы”: историко-сопоставительный анализ» посвящен изучению татарских вариантов книжного дастана о Кур углы. “Кур углы” является знаменитым произведением, встречающимся в эпическом фольклоре различных народов. К татарам это произведение пришло сравнительно поздно – в конце XIX в. Татарские варианты обладают характерными для эпических сказаний общими сюжетными линиями, эпизодами и деталями.

Вариант “Кур углы”, записанный В.В. Радловым у сибирских татар² – книжный дастан, испытавший творческую переработку на стыке устных и письменных традиций. Он выполняет функцию своеобразного объединения традиций чичан Сибири и Средней Азии с реалиями письменной культуры казанских татар. Будучи книжным дастаном, он интересен как произведение синкретического характера, которое объединяет в себе индивидуально-авторское и фольклорное начала. Этот вариант ценен также как дастан, сохранивший дух тюркского героического эпоса. Присутствие в авантюрном сюжете социально-бытовых проблем, видимо, стало причиной распространения дастана в народе в самой широкой и разнообразной форме.

Имеется рукописный вариант дастана, найденный в Татарстане. Сегодня эта рукопись хранится в Центре письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ³. Рукопись состоит из двух листов, пронумерованных 13-ыми и 14-ыми страницами, на арабской графике. Рукопись носит фрагментарный характер, включает 26 стихотворных строк. Текст построен не на многострофичной тираде, а на четверостишных строфах, заканчивающихся одинаковым рефреном (“я алыңлар, я үлеңләр егетләр” / “или победят, или погибнут

¹ Чура батыр. Татар халык дастаны / Хәзерге әдәби телгә күчәрүче Ф. Латыфи. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 64 б.

² Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. 528 с. С. 258 – 261.

³ Центр письменного..., колл. 39, ед. хр. № 5013.

герои»). Стихосложение выделяется устойчивым силлабическим метром, как это свойственно неимпровизационному стиху. В фрагменте рукописи описано, как взятый Кур углы на воспитание и выросший верным ему хан Хасан призывает юношей в военный поход.

Факт обнаружения этого отрывка доказывает, что среди татар дастан был популярен. Рукопись можно оценивать как один из вариантов книжного «Кур углы». Этот вариант несколько далек от сюжета дастана, записанного у сибирских татар. Лишь некоторая антропонимическая и топонимическая общность, и то, что дастан о Кур углы обладает героическим характером и едиными мотивами (например, то, что у Кур углы нет детей) позволяет рассматривать их в едином ключе. Данный фрагмент созвучен с изданным татароязычным вариантом дастана¹. Только в описании прочности щита, а также в использовании некоторых слов есть некоторые различия, а во всем остальном смысл строк совпадает с вышерассмотренной рукописью.

В конце XIX – начале XX в. «Хикайте Кур углы Солтан» выдержало 11 изданий. Язык произведения насыщен арабо-персидскими заимствованиями и сегодняшнему читателю малопонятен. Объем достаточно велик и составляет 90 листов на арабской графике. Произведение излагает историю ханов в форме предания, в хронологическом порядке перечисляет имена некоторых ханов, сообщает, что Кур углы стал правителем в пятнадцать лет. Таких элементов, как, например, подробное описание всей жизни Кур углы, начиная с детства и до достижения юношества, его коня, рожденного чудесным образом, как это имеет место в туркменской версии, в татарском дастане нет. Татарский книжный дастан останавливается лишь на некоторых событиях жизни Кур углы. Сказать, что эти события в других национальных версиях всегда излагаются последовательно, невозможно, одни и те же имена, схожие события встречаются в разных местах сюжета. Как отличаются друг от друга туркменская, таджикская, азербайджанская и др. версии, так и татарский дастан на новой почве составлен по-новому, в творческом процессе был подвергнут большим изменениям.

По построению сюжета, подаче образов-персонажей, последовательности событий, объему и др. татарская версия «Кур углы» не повторяет версии других народов, имеет различные варианты.

В третьей главе «Романические книжные дастаны: соотношение традиционного и индивидуального» раскрывается промежуточное положение между фольклором и литературой дастанов «Тахир и Зухра» и «Лейля и Маджнун», выявляются сходство и различие в системе персонажей и стиля татарских книжных дастанов и средневековых литературных дастанов-поэм.

Главная тема, освещаемая в романических дастанах – это испытание любовью. Произведения, прославляющие божественную любовь в традициях древней и средневековой восточной литературы, среди книжных дастанов составляют самую значительную часть. Почти все романические книжные

¹ Хикэйте Кур углы Солтан. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1894. С. 13 – 15.

дастаны отличаются большими объемами. Большинству из них свойственно тяготение к книжному стилю.

Романический дастанный эпос татар – явление последней эпохи формирования татарского книжного дастана, такой тип творчества в свое время был массовым явлением и интенсивно распространялся.

Татарские книжные дастаны нельзя называть крупными романическими произведениями, как, например, известные в Средней Азии «Рустамхон», «Саят-Хемра», «Асли-Карам» и др., отличаются тем, что обладают сравнительно меньшим объемом и сюжетной простотой, чаще всего стихотворные строки чередуются с прозаическими. В любовных дастанах письменного фольклора по сравнению с традиционной «живой» разновидностью на тот же сюжет нет той динамики, широкого диапазона исполнения, энергии, сопровождающей устное исполнение; в качестве импровизаторского стиля в организации текста тирадный стих местами заменен изосиллабизмом.

В романических книжных дастанах иногда отражаются черты героики, они представляют собой своеобразный реликт традиционной героики. Например, это довольно отчетливо проявляется в дастанах “Сайфульмулюк”, “Буз егет”, и даже в “Лейле и Маджнуне”, “Туляк китабы”. Они зачастую называются по имени главного героя, но, как правило, имеют парные названия: “Тахир и Зухра”, “Лейля и Маджнун”, “Шахсенем и Гариб”, “Хурлуга и Хамра” и др.

Еще одна особенность любовных дастанов – это их трагическая концовка. Мотив счастливого союза присутствует лишь в “Йосыф китабы” и в “Хурлуга и Хамра”. Даже дастаны, которые у других тюркских народов заканчиваются счастливым союзом влюбленных, в татарской версии завершаются их трагической гибелью. Популярность трагической любовной тематики в татарских романических книжных дастанах идет непосредственно от древних восточных сюжетов. Также было велико влияние распространенного в XIII – XV вв. среди тюркских народов дастана “Кузы-Курпач и Баян-сылу”. Завершение произведения на трагической ноте делало дастан еще более эмоционально действенным, сильнее привлекая внимание читателя.

В татарских романических дастанах отсутствует осознанное описание характера персонажа, как это достигается в литературных дастанах-поэмах древней и средневековой поэзии, но чувство достоинства предполагает цельный и индивидуальный образ героев.

Итак, в романическом книжном дастане находит отражение естественное переплетение литературных канонов с фольклорными. Эти дастаны не свободны и от характерных для древней и средневековой литературы суфийских идей, в них многое заимствовано из восточной романтической литературы. В то же время эти дастаны сами оказали влияние на литературу, в том числе на формирование татарского романного жанра в начале XX в.

В первом разделе третьей главы **«Татарский народный дастан, посвященный Лейле и Маджнуну»** исследованы произведения на сюжет о Лейле и Маджнуне. Лейля и Маджнун – герои популярного на Востоке арабского предания о несчастных влюбленных. Своими корнями легенда уходит к реальным событиям и людям VII – VIII вв. По преданию, Лейли и Кайс (имя юноши) в детстве пасли стадо верблюдов. (“Лейли” – именно такое написание имени персонажа встречается в средневековой восточной литературе, а татарский вариант отличается с более открытым произношением этого имени, что отражается и в письме – “Лэйлэ” (“Лейля”); написание имени юноши также варьируется: “Меджнун” – “Маджнун”). Постепенно между ними вспыхнула любовь, но они никак не могут воссоединиться. Кайс, уйдя из своего племени, начинает жить один в пустыне, слагает песни о своей возлюбленной. Ему дают прозвище Меджнун, что означает сумасшедший, выживший из ума. Действительно, Кайс от любви теряет разум: он ни с кем не общается, никого не слушает, лишь услышав имя Лейли, приходит в себя, поет песни любви. В отношении влюбленных родители Кайса и Лейли не находят общего языка, отец Лейли клянется, что никогда не отдаст дочь за Меджнуна. Меджнун не смог оправиться от любовной болезни. В конце концов, и Лейли, и Меджнун вдали друг от друга умирают от тоски¹.

Этот сюжет впоследствии был переложен в персидских, турецких народных дастанах, а также вошел в творчество суфийских поэтов Дехлеви, Физули, Навои, Джами и др. Среди таких произведений самым известным является поэма Низами Ганджави (конец XII в.), который придал арабской легенде литературную целостность, конкретность, определил характер и действия персонажей, укрепил их психологическими мотивами, присущими литературным поэмам. Общей трагической концепцией произведения является всепоглощающее чувство любви, которое приводит любящих друг друга к духовной близости. Целенаправленное описание этого великого чувства, специфичные драматические коллизии и представляют поэму Низами как литературное достояние индивидуального автора.

Кроме общеизвестных литературных поэм, на этот же сюжет создавались версии на арабском, персидском, таджикском, курдском, а также тюркских языках. Образцы классической литературы, имеющие фольклорные корни, впоследствии перерабатывались в свойственном народному творчеству стиле. У многих народов этот сюжет разрабатывался как устный эпос и представляет собой творчество эпических певцов².

Татарская версия «Лейли и Маджнун» интересна тем, что она не является прямым переводом классических образцов, не носит подражательный характер, не является устной переработкой домашних или уличных чтецов классической поэзии. Представленная в нескольких самостоятельных вариантах татарская народная версия стала результатом

¹ Литературная энциклопедия. Т. VI. М.: Советская энциклопедия, 1932. С. 155.

² Краткая литературная энциклопедия. Т.4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 98 – 99.

проникновения в фольклорную среду письменной культуры. Создаваясь на общеизвестный сюжет спустя несколько столетий, дастан «Лейля и Маджнун» вновь приобрел форму народного творчества, но уже в письменной форме. Во многих случаях нельзя установить авторство татарских переработок, в то же время встречаются и списки, преобразованные местными творческими личностями и зафиксированные под именем отдельного «автора». Например, известны варианты Б. Шарафа (условно), А. Тубыли, изобилуют списки дастанов и без указания «автора»-переписчика, которые в научном обороте обычно именованы названием местности, где они найдены.

В истории татарской литературы были и прямые переводы известных текстов о Лейле и Маджнун, подражания тому или иному классическому образцу. Например, имеется литературный перевод Низами Махмудом Максуди, поэтическое переложение поэмы на татарский язык Фатихом Халиди, а также Галлямом Рашиди¹.

Самым большим по объему списком дастана «Лейля и Маджнун» является текст в арабской графике, найденный в архиве татарского журналиста Бурхана Шарафа (1883 – 1943). Он состоит из 32-х листов, не указаны время и место переписывания. В научно-идентичной текстологической обработке Баки Урманче произведение увидело свет в многотомном своде «Татарское народное творчество»². По содержанию произведение близко к поэме Низами, но есть и существенные отличия. Например, здесь отсутствует сюжетная линия, по которой Маджнун женится на дочери Науфала, он покидает страну и уходит в степь, и в финале, услышав весть о смерти Лейли, умирает не вдали, а около ее могилы. Известно, что Б. Урманче имел дело и с турецкой рукописью, поэтому в этом случае для «автора» роль источника могли играть не только рукопись Б. Шарафа, но и персоязычные поэмы, турецкие рукописи. Подвергшемуся обработке руками Б. Урманче текст испытал литературное влияние, но в нем также не менее ощутима и преданность принципам народности, фольклорным традициям.

Исходя из последовательности событий, текст поделен на пятнадцать глав, каждая из которых озаглавлена. Они не носят символический характер, а прямо указывают на содержание данной главы.

В татарском дастане Лейля, услышав из уст Маджнуна бейты о себе, отвечает ему песней. Услышав от людей песни Маджнуна о себе, отвечает тем же:

Йа Рабби, дәртемә мэдәт дәрманымны күстәр!
Я жанымны ал, я жананымны күстәр!
Ягкуб сыйфатындай күзләрем ачылсын,

¹ Ганжәви Н. Ләйлә белән Мәҗнүн. (Мәхмүд Максуд тәржемәсе). Татгосиздат, 1950. 150 б.; Халиди Ф. Мәшһүр гашыйк – мәгъшук Ләйлә илә Мәҗнүн хикәясе. Казан: Ун-т тип., 1902. 45 б.; Рәшиди Г. Ләйлә вә Мәҗнүн хикәясе. Казан: Центр. тип., 1917. 45 б.

² Татар халык иҗаты. Дастаннар. Б. 174 – 206.

Еглатма мине, Йосыф Кәнганыны күстәр!
(О Аллах, помоги мне силой! / Или забери душу, или дай мне увидеть моего возлюбленного! / Открой мне глаза, дав увидеть его, / Как Якубу открыл, показав ему страну, где живет его сын Юсуф).

Если обратить внимание на ответ Лейли, то видно, как в сюжет Лейля-Маджнун привнесены совершенно чуждые сюжетные элементы. Сюжет, связанный с Юсуфом, татарам был известен через Коран, а также через поэму Кул Гали “Кыссаи Юсуф”, этот же сюжет позднее был распространен в народе в нескольких рукописных вариантах под названием “Йосыф китабы”. В песне Лейли упоминаются герои этого памятника. В “Шахсенем и Гариб” (вариант М. Юмачикова) после смерти Гариба девушка Акча вспоминает героев Фирдоуси “Шахнаме” Джамшида и Рустама, которые тоже безвременно ушли из жизни¹. В поэме Низами с целью преподать читателю нравоучение упоминается имя Джамшида из “Шахнаме”:

Стань тем лучом, что согревает мир,
Не для тебя Джамшида пышный пир².

Эти и другие примеры показывают, что упоминание в одном дастане персонажей других произведений был художественным приемом, характерным для средневековых литературных памятников в целом. В татарские романические дастаны эта традиция пришла через литературные поэмы-дастаны. Знакомый со средневековыми письменными памятниками человек, занимаясь эпическим творчеством, при создании нового произведения на тот же сюжет использует общеизвестные популярные литературные персонажи, подобным образом пытается увеличить силу воздействия своего произведения. Обращение в татарских дастанах к героям литературных произведений подчеркивает тесную связь у татар дастанного творчества с письменной культурой, служит примером легкого усвоения дастанным творчеством приемов, характерных для авторских произведений. В то же время упоминание в песне Лейли образов Юсуфа, Якуба указывает на некоторую оригинальность татарской версии по сравнению с версиями других народов на этот же сюжет.

Диалогическое общение между героями в стихотворной форме можно встретить в ряде древних дастанов. Например в “Ак Кубек” сохранился диалог (эйтеш) Ак Кубека и Мангыша; в “Йиртюшлек” – ответы старухи, встретившейся герою по дороге, стихотворный ответ черной птицы; в “Алыпмамшан” – песня-монолог-обращение Алыпмамшана к женщине по имени Марджансылу, которая возвращается домой после поисков мужа; в более поздний период в “Кур углы” – поэтическая беседа Кур углы с Ага Чаузом. Следовательно, корни песенных диалогов героев дастанного эпоса, сопровождающихся словами “ответил ему(ей) песней”, “сказал(а) глядя на

¹ Шахсенем һәм Гариб // Татар халык ыжаты. Дастаннар. Б. 272.

² Низами Г. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Лейля и Меджнун. М.: Худ. литер., 1986. С. 58.

нее(го)”, “сказал(а) этот бейт”, “сказал(а) песню”, “сказал(а) аруз”, связаны с фольклорными традициями.

В рукописи “Лейля и Маджнун” перед тем, как приступить к повествованию о событиях, часто используются такие обороты речи, как “шул хакта риваять улыныр” (“об этом будет предание”), “рави эйтер” (“рассказчик скажет”), “риваять кылыныр ки” (“будет предание”), “равияни эхбар риваять итте” (“рассказчик сказывал”). Начало описания событий со слова “аль-кысса” используется для сохранения последовательности связей между событиями, а слово “бэс” используется в значении “а раз так, значит, в результате, как видно”. Такие приемы стали традицией для стиля татарских книжных дастанов.

Введенный в произведение Заед, повествующий историю трагической любви Лейли и Маджнуна, в сущности, выступает и как поэт, и как рассказчик-сказитель, воплотив в себе черты двух мастеров художественного слова. Это – один из примеров сплетения в ткани дастана литературных и фольклорных приемов, мотивов, образов. Личное начало в дастане проявилось не в создании оригинального, совершенно нового по содержанию произведения, а в творческом использовании известного сюжета в сочетании с книжными и устными традициями тюрко-татарского эпоса. В окончательное формирование текста татарской версии внес лепту и многогранный талант Б. Урманче, под пером которого это произведение получило доступную татарским читателям форму.

Еще несколько рукописных вариантов национальной версии дастана «Лейля и Маджнун» хранятся в фондах Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ¹. Имеются тексты дастана в научной библиотеке им. Н. Лобачевского КФУ². Списки отличаются друг от друга по разнообразию описываемых событий, по полноте текста и сохранности рукописи, а также по синтаксическим и орфографическим особенностям. Некоторые варианты схожи, что доказывает переписывание одного и того же текста разными информантами-переписчиками. Например, Нижнекуякский вариант, найденный в 1973 г. М. Ахметзяновым, очень близок со списком, переданным в фонд Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ жителем г. Казани Рабигой Замановой. Основной отличительной чертой этих списков является не сюжет и не стиль дастана, а качество бумаги и сохранность страниц и записей в ней. Второй текст более полный. Имя информанта-переписчика, место и время создания списка не указаны. По типу бумаги и использованных чернил рукописи относятся к памятникам середины XIX в.

Особый интерес представляет рукопись, найденная в 1982 г. в деревне Сарабиккул. Текст творчески переписан Ахметзяном бин Шамсетдин аль-Абави ас-Самари ат-Тубыли (Ахметзян Тубыли), состоит из 58 поэтических

¹ Центр письменного..., колл. 39, ед.хр. № 5014, № 5015, № 5016, № 3164, № 6058.

² ОРРК научной библиотеки им. Н. Лобачевского КФУ. Т-493, Т-497.

строк. Этот вариант во многом созвучен с вариантом, найденным в 1979 г. Последний сохранился в рукописной книге, написанной на персидском языке. Текст написан на старотатарском языке с широким использованием заимствований из арабского и персидского языков. Оба варианта фрагментарного характера, изложены поэтическим языком. На примере этих вариантов «Лейли и Маджнуна» наглядным становится большое влияние на народное творчество не только литературных сюжетов, но и стилистики литературной книжной традиции. В поэтике текста использованы элементы классической системы древней и средневековой поэзии – аруза.

Сюжет “Лейли и Маджнун” в народе был особенно популярен вплоть до начала XX в. Древнее арабское предание нашло своеобразное воплощение в татарском книжном дастане. Составители полулитературных, полуфольклорных текстов на татарском языке обращались к книжному языку, стилю, народным изречениям и образам, но не отказывались и от традиционных приемов. Значение национальной книжной версии “Лейли и Маджнуна” состоит в том, что она сыграла важную роль на этапе возникновения и формирования татарских книжных дастанов.

Второй раздел третьей главы «**Дастаны на сюжет «Тахир-Зухра»** посвящен изучению поэтических особенностей письменных памятников о Тахире и Зухре. «Тахир и Зухра» – один из излюбленных эпических сюжетов среди тюркских народов. Узбеки, уйгуры, балкарцы, азербайджанцы, турки, казахи, туркмены, башкиры гордятся своими версиями любовно-романических произведений на этот популярный сюжет.

Это произведение широко распространено и у татар. На сегодняшний день количество известных вариантов татарской версии превышает более десятка. Интересен тот факт, что в местах проживания татар рукописи дастных текстов на сюжет “Тахир и Зухра” археографами обнаруживаются и сегодня, и этот факт лишний раз доказывает, что дастан в свое время был весьма популярным. Рукописи татарских вариантов дастана, посвященных Тахиру и Зухре, хранятся в архивах Казанских научных центров, в том числе в Центре письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ¹. Специфика версии “Тахир-Зухра” у татар – это то, что, в основном, она сохранилась в рукописи. Некоторые части дастана в народе бытовали в виде песен. Довольно большой по объему дастан существовал у сибирских татар и в устном варианте. А у поволжских татар этот дастан никогда напевно и речитативно не исполнялся.

Точная дата возникновения этого сюжета неизвестна. Считается, что легенды о трагической судьбе Тахира и Зухры впервые обработаны поэтом, известным под псевдонимом Саяди. Сведения об этой личности не сохранились. О нем можно узнать лишь по скудным информациям, сохранившимся в стихотворных строчках самого дастана.

Произведение, известное под авторством Саяди, написано на древнем общетюркском языке. Это – удивительно поэтичный, выразительный роман в

¹ Центр письменного..., колл. 39, ед.хр. № 4896, 1861, 2811, 2016 и др.

стихах, посвященный искренне полюбившим друг друга Тахиру и Зухре. Произведение разделено на главы, названия которых охватывают полную информацию о содержании данного раздела. Всего таких поэтических глав – более ста.

Фольклор в данном варианте дастана проявляется в преобладании в сюжете фольклорных эпических мотивов. Например, важную роль в построении сюжета играет весьма популярный в эпическом фольклоре мотив бездетности. Сновидения, гадание снов – мотив, также широко распространенный в народном творчестве. В данном же дастане мотив о сновидениях и гаданиях снов всегда находится под строгим распоряжением Аллаха, т.е. смешан с традицией ислама; приводится не как магический элемент, а как предначертанность судьбы Всевышним и играет эмоционально-эстетическую роль в развитии сюжета. Сновидения и гадание через сны, затем беспрекословное подчинение предсказанному в снах – такое решение сюжета весьма распространено в письменных памятниках древней и средневековой общетюркской литературы. Множество примеров тому можно найти в творчестве Кул Гали, Сайф Сараи, Кутба и др. Следовательно, сновидение и все действия героя, связанные со сновидением – общий мотив и для эпического фольклора, и для древневосточной литературы. В дастане о Тахире и Зухре этот известный мотив участвует не в чисто архаико-эпичном виде, здесь он несколько видоизменен.

Упоминается в нескольких местах и занимает достойное место в дастане образ Саяди. С одной стороны Саяди – автор, с другой стороны – лирический герой, приглашающий на беседу. Своим явным участием в дастане образ Саяди играет роль передатчика дастанных событий слушающей аудитории, т.е. приобретает роль сказителя:

Кил, и Сайад, син башла бу дастаның,

Кыш алдыннан ачылганын бакчаның.

(О, Саяд, иди и начни свой дастан, / Открой нишу событий, как зимой открывается летний сад).

Саяди таким образом выражает свое отношение к событиям произведения. Такой прием служит определенной канвой для построения сюжета дастана в варианте автора, обеспечивая устойчивость структуры произведения. Образ Саяди в качестве персонажа напоминает поэта-чичана в эпическом фольклоре и тем самым приближает дастан к народному творчеству. В то же время нельзя не признать, что такая последовательная структура дастана является специально продуманным приемом конкретного автора.

Сюжет дастана Саяди восходит к более древнему народно-эпическому сказанию “Кузы Курпяч и Баян-сылу”, широко известному в казахском, башкирском, татарском и др. народном творчестве. Дастан написан в духе традиционного тюркского эпоса, основывается на эпических мотивах, которые бытовали в устных народных сказаниях. Однако сюжет дастана тщательно выверен рукой творческой личности. По переработанному стилю, композиции произведения, построению сюжета, литературной

интерпретации эпических мотивов следует сделать вывод, что автор хорошо знаком с литературно-письменной традицией.

Вариант “Тахира и Зухры” А. Курмаши (Ахмет Уразаев-аль-Курмаши, ок. 1855 – 1883) – еще одна замечательная форма татарского книжного дастана. Роль варианта А. Курмаши чрезвычайно велика в распространении и популяризации романического эпоса о Тахире и Зухре в татарском народе. С первого предложения автор оговаривает то, что будет писать о событии, услышанном от кого-то, доказывая этим свою верность фольклорным сказительским традициям. “У великого и знаменитого падишаха” не было детей. Мотив бездетности чрезвычайно популярен в эпосе казахского, киргизского, узбекского, туркменского, каракалпакского и др. тюркских народов. Например, в казахском “Кобланды батыр” Токтарбай доживает до восьмидесяти лет и не имеет детей¹. В киргизском “Манасе” Якуп также льет слезы из-за того, что нет детей². Этот широко распространенный мотив наблюдается в дастанах про Чура-батыр, “Кур углы Солтан” и т.д.

Тюркский эпос придает важное значение чудесному появлению ребенка на свет, и это излагается со всеми подробностями. Этот мотив переплетается с элементами предвидения судьбы, гаданий, в то же время есть напоминание, что все в жизни совершается с повеления Аллаха.

В варианте “Тахир и Зухра” А. Курмаши внимание приковывает одна деталь: подтвердив то, что пожелания падишаха и визиря исполнятся, дервиш достает из-за пазухи яблоко, читает молитву, разламывает его ногтем на две половинки, и отдает их отцам будущих детей. Этот элемент сюжета довольно созвучен с широко распространенным в героическом эпосе обычаем помолвки с вручением яблока, встречающимся в популярном мотиве под названием героическая помолвка. К примеру, в башкирском народном эпосе “Урал-батыр” дочь падишаха Катилла из юношей, выстроенных в ряд, выбирает Урал-батыра, вручает ему яблоко, приказывает своему слуге привести его во дворец³. Здесь обряд с яблоком отличается от героических дастанов, его отдает не сама девушка, а посторонний человек – дервиш. Но яблоко здесь сохраняет символический смысл помолвки, как и в героическом эпосе. Появление этого элемента в любовных дастанах на сюжет Тахир-Зухра важен как факт, доказывающий фольклорную преемственность, существующую между тюркским героическим эпосом и романическими дастанами более позднего периода.

Причитания (елау-сыктау) – общий мотив для тюркского эпоса. Как правило, мать, разлученная с сыном, переживая за него, произносит причитания, богатые на сравнения-эпитеты. Так достигается высокая степень эмоционального воздействия в тюркских дастанах. К примеру, в конце дастанов “Сын Айсул Ахмат”, “Копланлы батыр”, “Мамай”, “Адел солтан”,

¹ Кобланды батыр: Казахский героический эпос / Сост. тома, авторы исслед. и комм. Н. В. Кидайш-Покровская и О. А. Нурмагамбетова. М.: Наука, 1975. С. 228.

² Кыдырбаева Р. и др. Манас эпосунун варианттары. Фрунзе: Илим, 1988. С. 160.

³ Башкирский народный эпос. М: Наука, 1977. С. 286.

“Эр Кусеп”, “Елкилдек батыр” и др., являющихся ногайскими версиями тюркского эпоса, после смерти героя приводится монолог-причитание.

Поскольку дастан любовный, то причитание героя в произведении Курмаши связано с тяжелыми переживаниями от разлуки с возлюбленной. Таких причитаний в дастане немало, например, сосланный в город Мардин Тахир причитает:

Карый-карый калдың син, күп кыеннар салдың син,

Сөйгәнеңнән аерылып, еглый-еглый калдың син.

Бутасыннан аерылган дөядэй буздый калдың син.

Күп тубыннан аерылган коштай моңдый калдың син¹...

(Ты осталась причитая, много трудностей выпало тебе, / Разлучившись с любимым, ты осталась плача, / Как верблюдица, потерявшая своего верблюда, стенала ты / Как птица отставшая от стаи, / Как цветок, оторванный от ветки, / Как ребенок, разлученный с матерью осталась ты, стена).

В ногайской версии дастана, посвященного Чура-батыру, Миннесылу, потерявшая ребенка, также уподобляется верблюдице, потерявшей детеныша, причитая она говорит:

Баласы үлгән дөядэй / Бызлый-бызлый китәем².

(Я как верблюдица, потерявшая своего верблюда, / Иду и стенаю).

И в отрывке из дастана “Тахир и Зухра” наличие подобного сравнения интересно своей хронологией, географическим распространением и тематикой, общими деталями в различных эпических произведениях. Такие элементы – непосредственные примеры сохранения общих тюркских корней и единых эпических традиций.

Разлука Тахира с любимой в дастане равноценна смерти. Уходящий в мир иной Тахир свою возлюбленную называет “сокровищем двух миров”, т.е. Зухра – возлюбленная Тахира и в этом, и в другом мире. В этом отношении достойно внимания упоминание имени Аллаха. Сравнивающий Зухру со спутницей души и прощающийся с ней Тахир представляется уходящим к Аллаху. В относящемся к языческому периоду древнем тюркском эпосе надежда и упование на помощь Аллаха, интерпретация смерти героя как явление его перед Аллахом попросту отсутствует. Свой монолог-причитание Тахир заканчивает следующими словами:

Бар серләрне белгүче, яр юлларын төзгүче,

Тапшырыпмын аллага, онытма, жаным, онытма!³

(Знающему все тайны / На Аллаха возложу, не забудь, душа моя, не забудь!). Упоминание имени Аллаха в дастане А. Курмаши – результат влияния на сюжет дастана письменно-книжной культуры и ислама, пропагандирующего и последовательно внедряющего грамотность и книжную традицию.

¹ Татар халык ыжаты. Дастаннар. Б. 221.

² Ибрагимова Л. Х. “Төрки халыклар ыжатында Чура батыр дастаны”. Казан: Фикер, 2002. Б. 109.

³ Татар халык ыжаты. Дастаннар. Б. 222.

Часто повторяются в тексте эпизоды словесных состязаний (кара-каршы эйтеш). То Тахир, то Зухра, плача, объясняются друг другу в любви, плача произносят стихи, утешая друг друга. Эти повторяющиеся эпизоды часто интерпретируются одними и теми же словами.

В отличие от других татарских вариантов дастана о Тахире и Зухре вариант Курмаши отличается тем, что в дастане падишах сначала дает согласие на свадьбу, а затем в результате коварства жены и колдуньи отказывается от своих слов, нарушает данное обещание. Этот пример свидетельствует об удивительном обилии интриги в варианте Курмаши. Обращение к услугам колдунов – элемент, часто используемый в тюркских дастанах. Используемые колдуньей приемы в варианте Курмаши “Тахир и Зухра” восходят к распространенным в народе заговорам, заклинаниям, колдовству.

“Тахир и Зухра” А. Курмаши создано в письменной форме. То, что текст никогда “вживую” не исполнялся певцом-импровизатором – неопровержимый факт, но есть полное основание полагать, что в основе его лежит устный хикаят. Своеобразный самостоятельный сюжет, наличие фольклорных мотивов, повторов, использование в тексте элементов причитаний и т.д. – это следы техники устного исполнения, черты, сближающие книжный дастан и фольклор.

Помимо вариантов дастана Саяди и Курмаши существует немало и других. Например, имеется вариант, записанный В. Радловым в Сибири¹. Дастан имеет большой объем, повествуется на диалекте сибирских татар. Восточный диалект татарского языка нашел отражение и в названии произведения: “Тайыр и Саура”.

Сюжет дастана в основном народно-традиционен. В тексте прозаические строки чередуются со стихотворными. По своему сюжету, мотивам опирается на традиции татарского и тюркского эпоса. На произведение оказал сильное влияние дастан “Кузы Курпач и Баянсылу”, широко распространенный в XIII – XV вв. в творчестве тюркских народов, отразивший кочевую жизнь и архаичные бытовые условия. Вариант Радлова не лишен влияния произведений Саяди и Курмаши. Этот факт свидетельствует о трансформациях в эпическом творчестве поздней эпохи жизни сибирских татар.

Тексты, посвященные сюжету Тахир-Зухра, на этом не исчерпываются. Хранящиеся в народе рукописи, варианты, которые обнаруживаются и сегодня, по своему объему и стихотворной обработке уступают вариантам Саяди, Курмаши и Радлова, но также являются довольно значимым источником.

На основе проведенных выше исследований татарских вариантов “Тахира и Зухры” мы можем сделать следующий вывод. Обращаясь к жанру дастана, следует помнить об устной и книжной форме его существования в народе. Это доказывает существование различных вариантов дастана на

¹Радлов В.В. Образцы... Ч. IV. С. 274 – 286.

сюжет Тахир-Зухра. В вариантах дастана «Тахир и Зухра», распространенных в Поволжье, доминирует книжная традиция, а у сибирских татар чаще встречается эпос устного характера. Выясняется, что, в случае сохранения у поволжских татар в устной форме, данный сюжет переходит границы дастанного эпоса и превращается в сказку или произведение встречается только во фрагментарном виде. Под влиянием возникших исторических предпосылок наряду с другими эпическими произведениями дастан «Тахир и Зухра» у татар был принят как образец литературного произведения, переписывался, ходил по рукам. Многочисленные варианты дастана – прекрасные образцы, обогащающие жанр дастана, подчеркивающие, что это памятник, опирающийся на эпические традиции.

В заключении диссертации ключевые аспекты темы интерпретируются в контексте общетюркского эпоса. Основные параметры проблемы и выводы исследования, изложенные в исходных и концептуальных парадигмах, заключаются в следующем.

1. Дастан – самый крупный эпический жанр в фольклоре тюркоязычных народов, в том числе и татар, включающий в себя произведения, создающие этническую картину мира о прошлом в сказочно-мифологическом либо героико-романтическом плане, изображающие захватывающие истории и коллизии, связанные с мистическими и природными силами, внешними и внутренними врагами, а также любовными драмами. Такие дастаны, изложенные в стихах, а также в прозаической или вперемежку – смешанной форме, представлены такими известными произведениями, как «Книга моего деда Коркута», «Манас», «Алпамыш», «Кобланды», «Идеге», «Кузы-Курпач и Баянсылу» и другие. Вместе с тем, «дастан» (ранние синонимы «кысса», «хикаят»), будучи разновидностью и национальным названием жанрообразующего термина, используется в тюркском и восточном литературоведении и для обозначения объемных и, как правило, классических средневековых литературных произведений («Кыссаи Юсуф» Кул Гали, «Мухаббатнамэ» Хорезми, «Джумджума султан» Хисам Кятиба, «Сухеиль и Гульдурсун» Сайфа Сарай, «Тухвай Мардан» Мухамедьяра).

2. В отличие от литературного эпос-дастана, устный или фольклорный дастан характеризуется созданием и исполнением в устной форме посредством импровизации и речитативно-напевного исполнения. Стиль устно-импровизаторских сказаний имеет веками устоявшиеся каноны и черты: идеализация героя-богатыря, гиперболизация, использование стандартных изобразительных средств, специфических форм стиха и т.д.

3. В словесно-художественном наследии наших предков имеется еще одна разновидность дастанов, занимающая промежуточное положение между фольклором и письменной литературой: это так называемые «книжные дастаны». Для них характерно органическое сплетение с письменной культурой (имеется в виду не только скрещивание двух текстов – первичного, импровизационно-вербального, и вторичного в письменном формате, но и слияние и взаимопроникновение традиций разного уровня). Если первоначально книжные дастаны фиксировались и распространялись

через так называемые «рукописные книги», то начиная с первой четверти XVIII в. они приобрели и печатную форму в виде изданных книг.

4. Благодаря многовековым традициям, а также известным писателям и литературным поэмам-дастанам письменная культура Поволжья в период Золотой Орды поднялась на новую ступень, что, в свою очередь, привело к ослаблению в просвещенных кругах интереса к устно-импровизаторскому творчеству и вытеснению из репертуара письменной культуры такого типа крупных произведений. Этим объясняется отсутствие или несохранение у татар Среднего Поволжья записи устно-вербальных дастанов раннего времени.

Пережив после взятия Казани период застоя, татарская письменная литература вновь ожила и получила дальнейшее развитие уже в составе России. На базе старотатарского и поволжского тюрки языка и на основе среднего диалекта сформировался национальный литературный язык. Предпочтение письменной культуры способствовало тяготению татар к чтению и созданию дастанов в письменном виде. Примыкая к образцам книжного эпоса, созданным в период кризиса литературы на материале традиционного эпоса ногайцев, а также на исторических и фольклорных источниках периода Золотой Орды (это дастаны из «Сборника летописи» Кадыр Али-бека и из анонимного сборника «Дафтари Чингиз-наме»), та же разновидность дастана получила дальнейшее, более интенсивное развитие у казанских татар уже в XVIII-XIX вв. При этом использовались известные сюжеты как восточной арабо-персидской литературы, так и «кочующие сюжеты» устного эпоса узбеков, казахов, азербайджанцев и сибирских татар.

5. Для стиля книжного дастана характерны признаки, идущие как от устно-вербального героического эпоса, так и от письменной культуры и литературы. В подобных текстах прослеживается отказ от звукового оформления текста, т.е. декламационного, речитативно-напевного его сопровождения, а также от широкого использования аллитерационных фонетических средств в стихотворной речи и нанизывания поэтических строк на длинные тирадные цепочки. При обретении книжности язык устно-вербального дастана редактируется и отшлифовывается творческой личностью, используя нормы и средства художественной литературы, но сохраняя при этом народные выражения и индивидуальную речь героев. Этим объясняется, например, достаточная ясность и доходчивость языка сводного книжного текста сибирского дастана «Идегей», обработанного писателем-фольклористом Н. Исанбетом.

6. Общность и различие между устными и книжными дастанами связано также с тем, кто именно является их создателем. В названном ракурсе мы выделяем два, вернее, даже три типа творца или мастера слова, это – авторы первичного текста, даже в случае их анонимности, чичан-импровизатор, а также писатель-поэт и третий – переписчик, или художественный редактор-переработчик, по существу являющийся соавтором вторичного текста, т.е. книжного дастана.

Нарративные источники донесли до нас тексты различного типа дастанов. Большинство из них созвучны с эпосом других тюркоязычных народов, что свидетельствует о древних культурно-торговых связях между ними. Вместе с тем, они отличаются от других национальных версий литературной обработкой и распространялись в письменной или печатной форме, в основном, в ареале среднего диалекта татарского языка. А это означает, что книжная разновидность дастана представлена преимущественно у поволжских или казанских татар, что объясняется древностью их письменной культуры. Примечательно, что некоторые дастаны (например, «Чура батыр», «Кур углы», «Тахир-Зухра» и др.) сохранились в нескольких вариантах, не говоря уже о количестве их разошедшихся рукописных экземпляров. Они, объединяясь в рамках одного сюжета либо вокруг одного героя, составляют тематические циклы и группируются вокруг более значимого текста, представляющего собой основную национальную версию.

7. В составе татарского книжного эпоса мы выделяем героическую тематику, которая охватывает героико-архаические, героико-исторические и героико-религиозные дастаны. Именно на их материале отмечена прямая связь между историческими событиями в жизни татарского народа и жанровыми преобразованиями: наиболее четко выделяются как описание исторических событий и национальных героев, так и реакция этнического сообщества на значимые события, этнические устремления и надежды («Чура батыр»). Среди героических дастанов особый интерес представляют дастаны религиозного характера («Кахарман Катил», «Кыссаи Сякам», «Кисекбаш»), возникшие под влиянием арабо-мусульманских письменных памятников. Подобные идейно-художественные изменения свидетельствуют о трансформации классических жанров под влиянием исторических событий, идеологии ислама, а также творческих импульсов этноса.

8. Особую тематическую и эпико-лирическую разновидность книжного эпоса составляет так называемый романический книжный эпос-дастан. Возникшие под влиянием восточной литературы книжные романические дастаны («Тахир-Зухра», «Ашик Кериб», «Лейля и Маджнун») превратились в самостоятельные национальные версии татарского эпоса в смешанном, литературно-фольклорном стиле. Вмешательство в жанровое поле романических дастанов наблюдается, прежде всего, в сферах системы образов и поэтических средств, они свидетельствуют об эстетических представлениях и предпочтениях татарского народа. Поэтические элементы превращаются в жанрообразующие признаки, способные отражать и маркировать этнические устремления и запросы.

9. Татарский фольклор не ограничивается сферой «устного творчества». Исследованные нами книжные дастаны, созданные либо переработанные с участием талантливой личности, отвечают художественно-эстетическим интересам многих поколений. Но такие существенные их черты и традиционные атрибуты, как развернутый сюжет, напряженность коллизий, героизм и самоотверженность центральных героев, рождающиеся во имя

справедливых целей, отдельные структурно-поэтические разработки, отнюдь не исчезли бесследно, а воссоединились с другими эпическими жанрами и участвовали в создании поэм и романов, востребованных новым временем.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых журналах из перечня ВАК:

1. Мухаметзянова Л. Х. Тюркский эпос: сравнительное изучение книжной версии дастана поволжских татар “Чура батыр” // Вестник Татарского гуманитарно-педагогического университета. 2010. №2 (20). С. 256 – 261. 0,4 п. л.

2. Мухаметзянова Л. Х. Книжный дастан в творчестве казанских татар // Вестник ТГГПУ. 2011. № 4 (26). С. 247 – 249. 0,4 п. л.

3. Мухаметзянова Л. Х. Книжные дастаны поволжских татар: проблема «границы» жанровых названий в народном творчестве // Вестник Адыгейского Государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп. 2012. Вып. 1 (96). С. 60 – 65. 0, 5 п. л.

4. Мухаметзянова Л. Х. Роль информанта – носителя эпической традиции в книжных дастанах татар Поволжья в популяризации национального эпоса // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 337 – 340. 0, 5 п. л.

5. Мухаметзянова Л. Х. “Кур углы”: модель книжного дастана в творчестве татарского народа // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2012. Вып. 72. № 36(290) С. 40 – 43. 0, 4 п. л.

6. Мухаметзянова Л. Х. Некоторые вопросы изучения “Кахарман Катил”, эпического достояния казанских татар // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 75. № 4 (295). С. 79 – 82. 0, 4 п. л.

7. Мухаметзянова Л. Х. Соотношение индивидуального и традиционного в романическом книжном дастане татар “Лейля и Маджнун” // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 76. № 10 (301). С. 76 – 80. 0, 4 п. л.

8. Мухаметзянова Л. Х. Традиционный стиль, сюжет и мотивы в романическом книжном дастане о Тахире и Зухре // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 87. № 3 (332). С. 71 – 74. 0, 4 п. л.

9. Мухаметзянова Л. Х. Книжный вид жанра дастан в творчестве татарского народа: теоретический взгляд на тему // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 90. № 10 (339). С. 95 – 97. 0, 4 п. л.

10. Мухаметзянова Л. Х. Дастан “Идегей”: книжная версия татар Поволжья // Вестник Челябинского государственного университета. Филология и искусствоведение. 2014. Вып. 91. № 16 (345). С. 94 – 98. 0, 4 п. л.

11. Мухаметзянова Л. Х. Татарские книжные дастаны: взаимодействие эпического фольклора и литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. №4 (34). Ч. 3. С. 143 –144. 0,5. п.л.

12. Мухаметзянова Л. Х. Мифологические и эпические мотивы в романическом книжном дастане татар о Лейле и Маджнуне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 5 (35). Ч. 2. С. 139 – 141. 0, 4 п. л.

13. Мухаметзянова Л. Х. Понятие «книжный эпос» в мировой фольклористике и татарские книжные дастаны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № № 5 (35). Ч. 2. С. 141 – 144. 0, 5. п. л.

14. Мухаметзянова Л. Х. Дастан «Тахир и Зухра» татарского народа: вариант В. Радлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 6 (36). Ч. I. С. 132 – 134. 0, 4. п. л.

15. Мухаметзянова Л. Х. Тематическая классификация татарского эпоса: романические и героические книжные дастаны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 6 (36). Ч. 2. С. 161 – 163. 0, 4. п. л.

16. Мухаметзянова Л. Х. Книжный дастан татарского народа «Тахир и Зухра»: вариант А. Курмаши // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2014. № 6 (36). Ч. 2. С. 163 – 165. 0,4. п. л.

Монографии:

17. Ибраһимова Л. Х. Төрки халыклар ижатында “Чура батыр” дастаны. Казан: Фикер, 2002. 190 б. 12 п. л. **Рецензии:** Мәхмүтов Х.Ш. Чура батыр белән яңа очрашу // Мәдәни жомга. 11 октябрь, 2002. Б. 19.; Әхмәтжанов М.И. Чура батыр белән “алышты”. Мәғрифәт, 2 ноябрь, 2002. Б. 3; Урманчеев Ф.И. Возвращение народного героя. Звезда Поволжья. № 43 (147), 21 – 27 ноября 2002 г. С. 4.

18. Мухаметзянова Л. Х. Татарский эпос: книжные дастаны. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2014. 380 с. 22, 1 п. л. **Рецензии:** Хисамов Н.Ш. Дастан булып тарих дәшә. Мәдәни жомга. № 51. 26 декабрь, 2014. Б. 16.

Публикации в других изданиях:

19. Ибраһимова Л. Х. Чура батыр турындагы дастаннарның поэтикасына бер күзәтү // Фольклор теле – шигърият теле. Төзүчесе һәм җаваплы мөхәррире – И. Н. Надиров. Казан: Фикер, 2001. Б. 77 – 87. 1. п. л.

20. Ибраһимова Л. Х. Татар китаби дастаннары мәсьәләсенә бер караш // Сборник материалов итоговых научных конференций молодых ученых и аспирантов Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за 2001 – 2002 г. Казань: изд – во ИИ АНТ, 2002. 149 – 152 с. 0,4 п. л.

21. Мөхәммәтжанова Л. Х. Китаби дастаннар // Фән һәм тел. 2006. № 2. Б. 20 – 24. 0, 6 п. л.

22. Мухаметзянова Л. Х. Тюрко-татарские книжные дастаны: проблемы возникновения и формирования // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 29 июня 2009 г.) Казань: Алма-Лит, 2009. С. 65 – 67. 0,3 п. л.

23. Мухаметзянова Л. Х. Версии и варианты тюрко-татарских книжных дастанов «Тахир и Зухра» // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы международной научно-практической конференции (Казань, 29 июня 2009 г.) Казань: Алма-Лит, 2009. С. 273 – 274. 0,4 п. л.

24. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Татар халкының китаби дастаннарыннан “Күр углы” // Татарская культура в контексте европейской цивилизации: материалы международной научной конференции. Казань: Ихлас, 2010. С. 378 – 379. 0,3 п. л.

25. Мухаметзянова Л. Х. Чура батыр в книжном эпосе татар Среднего Поволжья // “Урал-батыр” и духовное наследие народов мира: материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию записи башкирского народного эпоса “Урал-батыр”. Ч. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 9 – 14. 0,4 п. л.

26. Мухаметзянова Л. Х. Историческое и эпическое в книжном дастане “Чура батыр” // От конгресса к конгрессу. Материалы II Всероссийского конгресса фольклористов. Сборник докладов. В 3 – х т. Т. 3. М: ГРЦРФ, 2011. С. 101 – 111. 1,5 п. л.

27. Мухаметзянова Л. Х. Тюркский дастан о Чура батыре: сказка или быль? // Историко-этнологический научный журнал “Алаш” (Казахстан, Алматы). № 5 (38). 2011. С. 16 – 21. 0, 6 п. л.

28. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Татар фольклорында “Ләйлә-Мәжнүн” сюжеты: дастанның китаби йөзе // Татар халык иҗаты. Фәнни эзләнүләр һәм фольклор үрнәкләре (Фәнни конференцияләр материаллары жыентыгы) Бишенче китап. Казан: Алма-Лит, 2010. Б. 87 – 92. 0,5 п. л.

29. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Казан татарларының китаби дастаннарында борынгы төрки-иран әдәби-мәдәни бәйләнешләре чагылышы («Каһарман Катил» дастаны мисалында) //«Урал-батыр» и духовное наследие народов мира: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной Году укрепления межнационального согласия в Республике Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 260 – 262. 0,3 п. л.

30. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Татар китаби дастаннары тарихында жанр атамасы төрлеләге һәм атамаларның үзара тәңгәллек кимәле // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Р. М. Юсупова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 341 – 344. 0,4 п. л.

31. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Татар дастаннарының хосусиятен билгеләүдә Г. Ибраһимов карашлары // Г. Ибраһимов мирасы һәм төрки дөнья: Г. Ибраһимовның тууына 125 ел тулуга багышланган Халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары (17 апрель, 2012 ел). Казан, 2012. Б. 120 – 122. 0,4 п. л.

32. Мухаметзянова Л. Х. Татарский книжный дастан “Каһарман Катил” // Тюркоязычная книга: наследие веков: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги (Казань, 17-18 октября 2012г.). Казань, 2012. С. 228 – 233. 0,3 п. л.

33. Мухаметзянова Л. Х. Ислам в книжных дастанах татар Поволжья // Ислам в мультикультурном мире: Сборник материалов и тезисов 2-го Казанского международного научного форума. 29-31 октября. Казань: Арт-Лоджик, 2012. С. 61 – 63. 0,2 п. л.

34. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Татар дастаны эпосында жанрга карата терминнар кулланылышы мәсьәләсе // Татар халык иҗаты. Фәнни эзләнүләр һәм фольклор үрнәкләре. (Фәнни конференцияләр материаллары жыентыгы). 7 нче китап. Казан: Ихлас, 2012. С. 98 – 103. 0,3 п. л.

35. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Дастаны эпос жанры һәм татар халык иҗатында жанрның китаби төре турында // Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археографии: к 85-летию академика АН РБ, профессора Г. Б. Хусаинова. Материалы Международной научно-практической конференции (10 апреля 2013 г., Уфа). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН., 2013. С. 175 – 178. 0,3 п. л.

36. Мөхәммәтҗанова Л. Х. “Тере” вербаль эпик текст һәм татар китаби эпосы” // Гуманитарные науки: поиски и достижения: Материалы итоговой конференции ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. 2012. Казань, 2013. С. 330 – 335. 0,3 п. л.

37. Мухаметзянова Л. Х. Эпический информант в книжных дастанах и своеобразие татарского национального эпоса // Якутский героический эпос олонхо – шедевр устного и нематериального наследия человечества в контексте эпосов народов мира: материалы международной научной конференции (Якутск, 18 – 20 июня, 2013 г.). Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. С. 130 – 133. 0,5 п. л.

38. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Татар эпосы: китаби дастаннар // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: сборник материалов Международной научно-практической конференции (17 – 19 октября 2013 г.) / под. ред. Р. Р. Замалетдинова. Казань: Отечество, 2013. С. 213 – 216. 0,4 п. л.

39. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Идел буе татарлары эпос-дастаннарында текстның икенчеллеге мәсьәләсенә карата // Татарское народное творчество. Научные исследования и фольклорные образцы. Сборник материалов научных конференций. 8 – я книга). Казань: Ихлас, 2013 г. С. 27 – 31. 0,4 п. л.

40. Мөхәммәтҗанова Л. Х. Татар китаби дастаннарының тарихи формалашкан типлары турында // Фольклор в диалоге культур: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конф., Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 20 ноября 2013 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. С. 163 – 165. 0,4 п. л.

41. Мөхәммәтҗанова Л. Х. “Ләйлә белән Мәжнүн” дастанында мифологик-фәлсәфи фикерләү чагылышы // Современная тюркология: язык, литература, история и культура тюркских народов: Материалы VII Междун. тюркологич. конф. (Россия, РТ, г. Елабуга, 7 февраля 2014 г.). Елабуга: Изд – во Елабужского института КФУ, 2014. С. 152 – 154. 0, 3 п. л.

42. Мухаметзянова Л. Х (соавтор). Организация двигательной активности учащихся с использованием элементов детского игрового

фольклора» // Материалы Международной заочной научно-практической конференции «Современные тенденции в науке и образовании» в г. Москве 3 марта 2014 г. М.: АР-КОНСАЛТ. С. 97 – 100. 0,1 п. л.

43. Мөхәммәтжанова Л. Х. Фольклористикада татар китаби дастаннарын классификацияләү мәсьәләсе // Фольклор в системе национальных и общечеловеческих ценностей: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения известного татарского фольклориста Хамита Ярми. Казань: ИЯЛИ, 2014. С. 84 – 89. 0,5 п. л.

44. Мухаметзянова Л. Х. Книжный дастан “Кур углы” в истории и культуре татарского народа // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии (к 100-летию со дня рождения): Материалы Всероссийской конференции (с международным участием). 20 – 21 июня 2014 г. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 109 – 111. 0, 8 п. л.

45. Мухаметзянова Л. Х. Традиционный сюжет и мотивы в книжном эпическом памятнике татар «Тахир и Зухра» (на примере варианта А. Курмаши) // Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения: сборник материалов международной научно-практической конференции (16 – 19 июля 2014 г.). Казань: Ихлас, 2014. 592 с. С. 203 – 209. 0, 8 п. л.

46. Мухаметзянова Л. Х. Книжные дастаны татарского народа в контексте общетюркского эпоса // Истоки и эволюция литератур и музыки тюркских народов: материалы международной конференции (23–24 сентября 2014 г., город Казань). Казань: ИЯЛИ, 2014. С. 150 – 153. 0, 6 п. л.

47. Мухаметзянова Л. Х. Создатели традиционных и книжных дастанов: общность и различие // Материалы международной научно-практической конференции «Ногайлинский эпос и феномен Мурын жырау». Актау: Типография КГУТИ (Казахстан), 2014. С. 194 – 199. 0, 4 п. л.

48. Мөхәммәтжанова Л. Х. “Ләйлә белән Мәжнүн” кулъязмасында традицион космогоник концепция // Традиционная культура народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (11 – 13 февраля 2014 г.). Казань: Ихлас, 2014. С. 314 – 319. 0, 4 п. л.

49. Мухаметзянова Л. Х. На стыке традиционно-вербального и литературно-письменного творчества: книжные дастаны // Международная научно-практическая конференция, посвященная 100 летию со дня рождения Народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова, 18 – 19 ноября 2014 г.: материалы. Саранск, 2014. С. 212 – 216. 0, 4 п. л.

50. Мөхәммәтжанова Л.Х. XIX йөз татар әдәбияты һәм татар китаби дастаннары: тарихи янәшәлек // Фәнни Татарстан. 2015. № 1. С. 69 – 73. 0,6 п.л.

51. Ибраһимова Л. Х. Татар халык авыз ижаты. Татарское устное народное творчество. Программа. Казань: изд – во КДПУ, 2004. 34 с. 1, 5 п. л.

